

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

# СПЕЦНАЗ



Михаил НЕСТЕРОВ

ДЕМОНСТРАЦИЯ  
СИЛЫ



Джеб

Михаил Нестеров  
**Демонстрация силы**

«ЭКСМО»

## **Нестеров М. П.**

Демонстрация силы / М. П. Нестеров — «Эксмо», — (Джеб)

Лихой команде морских спецназовцев во главе с Женей Блинковым по прозвищу Джеб расслабляться некогда. По заданию российской разведки они должны втереться в доверие международного террориста Хакима и обезвредить его. Первое – не так сложно. Парни Джеба легко проникли на яхту террориста, продемонстрировав ему свои способности. Хаким оценил это и предложил участвовать в подготовке нового теракта. Но вот второе задание будет потрудней – террорист решил использовать их втемную. И кто кого обезвредит раньше – вопрос...

# Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

# Михаил Нестеров

## Демонстрация силы

*Автор выражает особую признательность еженедельникам «Независимое военное обозрение», «Версия», газете «Известия», журналам «Огонек» и «Компьютерра», авторам книги «Враждебные воды» Питеру Хухтхаузену, Игорю Курдину и Алану Райту, авторам книги «Возвращение бездной» Эдуарду Ковалеву и Андрею Саксееву за использование их материалов в своей книге.*

*Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.*

*Живущему в стеклянном доме нельзя швыряться камнями.*  
**Поговорка**

## Пролог

### Корабль-призрак

*Аравийское море, август 1990 года*

...Одетый в тельник и рубашку, капитан стоял у носового ограждения шхуны. Свежий ветер играл с его непослушными черными волосами, поднимал водяную пыль и освежал его разгоряченное лицо, обращенное на девушку. Каддас улыбнулся, когда она выкрикнула:

– Я капитан! Я поведу корабль! – Ее торжествующий возглас, подхваченный соленым зефиром, пронесся над волнами. Тонкие пальцы Лизы обхватили отполированный штурвал, черные глаза озорно смотрели на молодого капитана. Несмотря на юный возраст, Каддас был опытным моряком. Морское путешествие вдоль индийского берега с заходом на прекрасные Лаккадивские острова было прервано на траверзе острова Четлат – там они попали в шторм...

Лиза стояла на капитанском мостике. Выше нее было только небо, которому Эммануил Каддас молился последние несколько часов... Каждый миг ему казалось, что судно не выдержит яростного штормового напора и его порвет пополам. Взбесившееся Аравийское море затеяло неравную игру с рыбацким дрейфтером, оно то швыряло его на самый гребень гигантских волн, то сбрасывало в бездонную пропасть. Дьявольская карусель продолжалась всю ночь и утро этого августовского понедельника. Рассвет чудился последним закатом – ветер стал ледяным, его силу невозможно было измерить. Погогие волны сменились короткими, крутыми и злыми. Они с грохотом перекатывались через низкий надводный борт судна. И матросы, и капитан с подругой, задраив люки, укрылись в помещениях на нижней палубе. Лишь к обеду море смилостивилось, уняло свой пульс и успокоилось.

– Земля! – Лиза вытянула руку в сторону, указывая на восток. – Земля!

Каддас взбежал на мостик и посмотрел в том направлении.

– Да, это остров! – обрадованно выкрикнул он и перекрестился. – Один из коралловых островов Лаккадии. – «Вряд ли, – подумал капитан, – этот остров вулканического, как Реньюон или Коморские, происхождения». – Господи Иисусе, мне казалось, шторм забросил нас в самое сердце Аравийского моря. Но мы близко от индийского берега!

Он обнял девушку и поцеловал.

– Я не смогу и шагу сделать по земле, – улыбнулась Лиза. – Я упаду. Меня до сих пор качает. – Она была бледна. Взвинченность проявилась яркими пятнами на ее щеках. Девушка многое пережила за эти страшные часы. Ее мысли были заняты двумя людьми: Эммануилом, который был рядом, и отцом, наверняка узнавшим о небывалом шторме, разыгравшемся в Индийском океане. Она представила отца, не находящего себе места. Омар Кашриэль взволнованно смотрит то из окна дома, стоящего на окраине кипрского Пафоса, то на побережье. Он просит у Аллаха лишь одного: чтобы рыбацкая шхуна не попала под удар разгулявшейся стихии и не отняла у него единственного ребенка.

– Не беда... – На лицо девятнадцатилетнего капитана набежала тень. Он смотрел на остров, скрытый за невесть откуда взявшейся дымкой... и различил в нем очертания корабля.

Каддас схватил бинокль. Руки его дрогнули. Призрачный силуэт принадлежал военному кораблю. Ветер еще не выдохся после бури, он гнал лодку прямо на эсминец.

– Это эскадренный миноносец, – точно определился капитан. – Только чей – индийский, американский? Мофаз! – крикнул Каддас, подойдя вплотную к окну рубки, в которой после шторма не осталось ни одного целого стекла. И махнул рукой: «Все равно не услышит». Он сбежал с мостика и спустился в машинное отделение. – Мофаз, – спросил он у моториста, – что с машиной?

– Один двигатель не удастся починить, господин Каддас, – ответил механик, вытирая руки промасленной тряпкой. – А второй нахлебался воды. Должен бы завестись, но у меня ничего не получается. Не могу найти поломку.

– Тебе нужна помощь? Может, прислать матросов? – предложил капитан.

– Они ничем не помогут, будут только мешать. Мне одному спокойнее.

– Делай как знаешь, Мофаз. – Каддас несколько мгновений провел в раздумье: говорить ли механику про эсминец. Не стоит, решил он, приводить в смятение старика, сейчас каждая минута дорога.

Рыбацкое судно шло под египетским флагом. Ночью ветер сорвал не только флагшток и клотик, но и антенны радио и радара. Поднявшись на мостик, молодой капитан проверил единственную связь. Слава богу, громкоговоритель был исправен. Можно издали предупредить военных, что у команды египетского судна мирные намерения. Впрочем, подумал Каддас, американцы первыми выйдут на контакт. Они уже давно засекали на своих радарх судно и даже установили его классификацию. Однако военные что-то не торопятся, не выслали навстречу катер или вертолет, не дали предупреждающий выстрел из пушки или очередь из пулемета. Такой корабль напичкан смертоносным вооружением: сверхзвуковые противокорабельные крылатые ракеты, зенитно-ракетные комплексы, торпедно-бомбовые и артиллерийские установки. А скорость у него как у быстроходного катера – до 35 узлов.

Капитан снова взял в руки бинокль... Горизонт был чист. Кроме этого эсминца, вокруг ни одного корабля. Странно, все больше хмурился Каддас. Не верится, что ночной шторм разметал надводные корабли – фрегаты, крейсера, авианосцы, конвой, оборону которого должен нести миноносец. Где эскадра? Может, он в одиночку ведет разведку или несет дозорную службу? Или высадил на один из островов десант?

Еще несколько минут наблюдения, и военный корабль, приблизившийся на добрый кабельтов, открыл первый секрет. Американский эсминец типа «Кидд» стоял на якоре. Толстенная цепь убегала в воду с видимого борта, наверняка то же самое и с другого. Неужели он переждал шторм на приколе?

Капитан подавил в себе желание протереть глаза. То, что он увидел спустя четверть часа, напугало его. Он снова оглядел горизонт. На этот раз в надежде отыскать не эскадру... а кладбище погибших кораблей. Эсминец словно поднялся из морской пучины, чтобы просушить свои ржавые борта. Якорные цепи виделись костылями, на которых он с трудом удерживается на поверхности. Едва удалось прочесть его бортовой, в коричневых подтеках номер: 910.

– «Летучий голландец»... – прошептал суеверный капитан и снова перекрестился. Он был уверен, что на борту миноносца водоизмещением не меньше восьми тысяч тонн нет ни одной живой души. Но ведь кто-то же поставил его на якорь? Кто и когда? Куда делись триста пятьдесят членов экипажа? Как долго торчит у островов Лаккадии этот военный корабль?

Еще несколько напряженных минут. Еще одна не раскрытая тайна. Обе башенные одноорудийные артустановки и пусковые кронштейны противокорабельных ракет были наполовину демонтированы, тогда как на блокшиве ржавого эсминца капитан разглядел новую, как будто только что с завода, многоствольную крупнокалиберную установку. Черт возьми! Кто ею будет управлять? Призраки? По телу пробежала дрожь, когда парень представил себе мертвую команду. Они забросили палубные работы, но непрерывно, без перерыва, днем и ночью полируют скорострельную установку. Она матово поблескивает на солнце, в любой миг готова открыть огонь... Впору зажмуриться и...

Каддас отчетливо различил шум вертолетов. Через минуту он насчитал в небе два атакующих «Аппача» и «Си-Кинг».

– Мне страшно, – Лиза прижалась к капитану. Вот так, обнявшись, они провели ночь и утро. Девушка шептала: «Не бросай меня». Ей казалось, что шторм разорвет судно и разделит их.

– Не бойся, – Каддас поцеловал ее в лоб. Он поднял голову на зависшие над ним военные вертолеты. Он повторил то, что шептал ей в каюте: – Я всегда буду с тобой...

По наитию, по зову души Каддас устремил взгляд на мертвый американский эсминец. Он словно искал у него защиты, призывал его призрачную команду до последнего снаряда защищать людей на борту его рыбацкой шхуны. Он видел свое судно в центре дьявольской воронки, видел палубу, залитую кровью. Он тряхнул головой, прогоняя страшное видение...

В следующую минуту он услышал усиленный громкоговорителем голос пилота «Аппача»:

– Кто вы такие и что вы здесь делаете, черт возьми?!

Капитан к этому времени стоял на палубе, словно был готов подать сигнал пилотам «вертушек» снизиться. Напор воздуха, нагнетаемый лопастями вертолетов, прижимал Каддаса к палубе, рвал на нем рубашку. «Сикорские» словно принесли на хвосте бурю. Капитан махнул рукой и поспешил, едва удерживаясь на ногах, на мостик. Взяв микрофон, он ответил летчику, надрывая голос:

– Сэр, это египетское судно! Мы попали в шторм, нас изрядно потрепало. Один двигатель вообще вышел из строя, а второй...

– Уходите отсюда немедленно! – выкрикнул пилот. – Вы приблизились к военному кораблю Соединенных Штатов Америки!

– Механики делают все возможное, сэр...

Через минуту американский пилот снова подал голос:

– Ну и черт с вами!

Вертолеты сделали разворот на полкруга и вскоре скрылись вдали. Они шли курсом на испытательный ракетный центр США, развернутый на Чагосе и несший рабочее название «Arrows Trial»...

До ужасного и величественного момента – когда мертвый американский эсминец станет на защиту рыбацкой шхуны – оставались считанные минуты...

# Глава 1

## Сокровища старого Хьюга

### 1

#### Красное море, четырнадцать лет спустя

Морской буксир HUGЕ под номером 017 возвращался на американскую военно-морскую базу в Бур-Сафаге. Он шел из Эйлата, названного моряками «приграничным городом»: к нему, как к острию копья, сходились границы трех государств – Израиля, Египта и Иордании. На самом деле ничего «приграничного» в израильском Эйлате не было. Это небольшой городок с маленьким портом, солеварнями, роскошными пляжами, развлекательными шоу по образцу Лас-Вегаса. Другая сторона Эйлата – это и серые дома, собранные из готовых панелей, похожие один на другой, как близнецы, и причалы для стоянки нефтеналивных судов.

Гребные винты «Хьюга-017» пенили воды Акабского залива, оставляли за кормой широкий серебристый след. За буксиром, имеющим внушительные размеры, шли два катера охраны, отчего «Хьюг» издали походил на ледокол.

Акаба был довольно глубоким местом – до двухсот метров. На выходе в Красное море – поблизости от египетского Шарм-эль-Шейха, мимо которого проходил буксир, – не больше ста.

Его борта были покрыты сине-зеленой краской; этот камуфляж в первую очередь говорил о принадлежности «Хьюга» к военному флоту. Катера охраны, оцетинившиеся пушками и крупнокалиберными пулеметами, имевшие на бортах номера 340 и 349 – в кильватере и 350 – на фланге, будто несли сопровождающий транспарант: «Осторожно! Военный груз!» Действительно, на широком юте стояли в ряд несколько контейнеров, прикрытых камуфлированной сеткой. Они протянулись от оперативной лебедки до кормового ограждения; иллюминаторы на палубе могли сойти за счетные кружки абака: их было столько, сколько контейнеров, и располагались они друг над другом.

Миновав изрезанный бухтами берег и всемирно знаменитый египетский курорт, американский конвой вышел на оперативный простор: под килем все те же двести метров; на правом траверзе легкая дымка, скрывающая далекую Хургаду; слева по борту ряд рифов. Вода пенилась у подножия скал; чайки казались порождением волн: они то взмывали над беспокойной водой, то пропадали в ней. Такое же беловатое и крикливое облако преследовало «Хьюг» на протяжении всего пути.

Стояла прекрасная погода. Море было ярко-синее, солнце ослепительно белое.

Матросы буксира и военные, охраняющие груз, столпились после обеда на кормовой площадке и скармливали чайкам остатки еды. И только с появлением боцмана прекратилось кормление птиц.

– Кто будет убирать помет с ограждений и поручней? – обрушился он на команду и прикомандированных на «Хьюг» военных.

– Я так и знал, что он нам обломает кайф, – заметил молодой матрос, раздетый до пояса, демонстрирующий накачанные мышцы.

Его реплика не осталась без внимания боцмана. Он определился с выбором и приготовил для мускулистого подчиненного соответствующие слова и выражение лица.

«Хьюг-017» миновал один из островков, у которого дрейфовало небольшое судно с вертикальным ярусом – крючковой снастью. Дело обычное, это рыбаки вели здесь свой нехитрый

промысел. Совсем иначе смотрелся, не вписываясь в рыбацкую рутину, катер с высокой рубкой. Он на большой скорости выходил из-за острова и разворачивался в сторону буксира. На миг он показал надпись на своем правом борту, и волосы боцмана, уже набравшего в грудь воздух, чтобы выпалить в лицо матроса наказание, встали дыбом. Это судно – по классификации спасательное – называлось HUGE и несло на борту трехзначный номер: 017. *«Этого не может быть»*, – пронеслось в голове моряка. И он, отчетливо представляя, что случится в следующую минуту, громко выкрикнул:

– Брандер!

И еще раз, срывая голос:

– Брандер!!

Корабль-камикадзе был легок на ходу и изящен. Он не кривился черным пиратским флагом, но насмеялся над жертвой ее продублированными названием и номером. Он издала показал американскому судну смертный приговор и торопился привести его в исполнение. Он шел поперек курса военного конвоя на скорости 30 узлов, ревя дизелем и позванивая спасательным колоколом; его язык бился так же часто, как и сердце боцмана. Как и всех, кто не мог оторвать взгляд от этой страшной и завораживающей картины.

Чайки, предчувствуя катастрофу, взмыли в небо, но тотчас снизились и пошли на бреющим полете к соседнему рифу.

Издав металлический скрип, похожий на предсмертный, пушки катеров сопровождения развернулись в сторону брандера. Крик шкипера «Хьюга» заставил вздрогнуть механиков:

– Стоп, машина! Полный назад!

Но скорость брандера была велика. Им управлял опытный моторист; и он успел зафиксировать штурвал сцепным устройством. До цели было не больше полкабельтова, когда рубку судна-камикадзе прошли первые 20-миллиметровые снаряды. Голову единственного члена экипажа разорвало в кровавую пыль, и он на миг предстал безголовым посланником из ада. Только на миг – следующая прицельная очередь с 350-го, сбросившего скорость, откинула его изуродованное тело от приборного щитка.

Казалось, скорострельные орудия сделали свое дело – на брандере раздался взрыв, и в небо взметнулся черно-красный столб. Но то взорвался небольшой заряд в носовой части судна. Основная масса взрывчатки находилась, поделенная надвое, на обресе рубки и на месте буксирного устройства и водоотливного механизма.

По палубе «Хьюга» пронесся вздох облегчения. Кто-то успел перекреститься, приняв взрыв на брандере как спасение. Однако все до единого замерли, ухватившись за поручни и скобы, ожидая столкновения. Оно было неизбежным и пришлось на середину удлиненного бака. Матрос на трюмной палубе успел отпрянуть от иллюминатора. Он развернулся и ничком бросился на пол. Но бешеное дыхание взрывной волны тут же подбросило и швырнуло его на переборку. В следующий миг буксир разорвало пополам. Его половины сошлись бортами, давя обезображенные человеческие тела и останки брандера. Носовая часть вдруг закрутилась, выпуская затхлый воздух трюма и истекая соляром, и стремительно пошла ко дну. Вслед за ней опустилась корма, а вместе с ней и контейнеры с особо опасным грузом.

***Военно-морская база США «Атолл-44», Бур-Сафага, Египет<sup>1</sup>***

Губы адмирала Маккормика посинели и мелко подрагивали. Перед глазами американского военачальника пронеслась целая жизнь, заканчивающаяся на стыке трех государств. Вот он простой матрос, драит палубу на минном тральщике, вечером садится за стол и пишет письмо родителям в Джэксонвилл о том, что служба идет хорошо. На нем погоны лейтенанта ВМС США, он наблюдает за матросом, который драит палубу; новоиспеченный лейтенант вечером звонит невесте в Новый Орлеан и говорит, что любит и скучает по ней. Он – полковник все тех же ВМС, представляет морскую разведку и точно знает имя новоорлеанского мачо, который в этот момент, может быть, шлет по электронной почте любовное послание его жене и получает от нее ответ и «прицеп» в виде графического файла; бывшая благоверная копирует фрагмент картины Анри Тулуз-Лотрека «Женщина, натягивающая чулки», вгоняющий в состояние сумасшествия. («Шлюха!») Он – адмирал, от скуки не осталось и следа, потому что последние дни тащил на своих плечах занятое дело. Спецслужбы Иордании, входящей в ряд «проблемных» стран, в рамках программы по предотвращению угроз международного терроризма (использование террористами ядерных отходов и прочей отравы), выдали США ядерные заряды советского производства – шифр РА-115, предназначенные для совершения диверсий на территории противника в случае войны.

Маккормик вспомнил слова командира конвоя, упокоившегося вместе с «Хьюгом», о том, что «секретная директива командования запутала само командование». Что «транспортировать опасный груз, не бросаясь в глаза» – говорит об обратном. Если есть КОНВОЙ, значит, есть что конвоировать.

Ядерные устройства – вес каждого 40 килограммов, мощность 0,2 килотонны – перевозились на американскую военную базу «Атолл-44» – группировка ударных сил. Она была развернута «на передовом плацдарме» и считалась частью стратегии, преследующей цели «глобального охвата». То есть боевое воздействие на вероятных противников, создающих реальные военные угрозы безопасности США, с целью их решительного поражения, лишения способности развязывать и вести войну.

Именно эта чертова официальность и сыграла, по мнению Дэвида Маккормика, злую шутку. Ядерные боеприпасы стоило перебросить в ракетный центр Штатов, развернутый на Аляске, на транспортном самолете. Однако вся подлость заключалась в следующем. Степень защиты – кодовые устройства, предотвращающие взведение и взрыв советских боеприпасов, на всех десяти боеприпасах были взломаны. То есть при попытке подобрать код *боеприпас не приводился в нерабочее состояние*. Можно набрать любое число, и боеприпас готов к применению. Либо поставить взрыватель, реагирующий на детонацию. Эффект тот же, «бризантный».

Поэтому было решено: прежде чем отправлять опасный груз на Аляску, исследовать его на «нейтральной территории» Египта.

Маккормик вспомнил, с какой тщательностью готовился груз к отправке. Каждый боезаряд был помещен в свинцовый ящик, закрыт металлическим и помещен в контейнер.

В данное время адмирал занял офис начальника разведки базы полковника Шульца. Раскурив сигару и глотнув виски, Маккормик вызвал к кабинет, окрашенный в коричневатые цвета, командира катера охраны лейтенанта ВМФ Майлза Уолкера.

<sup>1</sup> Название и дислокация изменены.

– Садись, – адмирал кивнул на свободный стул. – Значит, ты видел на борту брандера идентификационный номер его жертвы.

– Да, сэр, – ответил Уолкер, присаживаясь и проводя рукой по стриженной наголо голове. – Заглавные буквы HUGE и номер 017.

– Ты понимаешь, к чему может привести твоя гребаная зоркость?

– Я не понимаю вас, господин адмирал.

– Сейчас поймешь, – пообещал Маккормик. Он решил загрузить лейтенанта дополнительной информацией, которая точно не даст ему раскрыть рот. – Лично ты конвоировал транспорт с ядерными боезарядами. Два десятка таких зарядов за тридцать миллионов долларов и две тонны опия чеченская мафия продала бешеному бен Ладену.<sup>2</sup> Наша разведка много лет охотилась за ними, и вот результат... Ты веришь, что нападение на конвой – это случайность?

– Я уверен в целенаправленной акции, господин адмирал. Брандер нес бортовые номера «Хьюга».

– То есть ты говоришь об утечке информации.

– Да, сэр, – с небольшой заминкой ответил Уолкер. И снова вытер вспотевшую голову.

– Выкинь это из своей башки! – ледяным тоном приказал адмирал. – Я запрещаю тебе и твоему экипажу говорить об этом. Иначе с нас голову снимут. За откровенный провал операции – а это гибель американских военнослужащих, гибель транспорта и потеря груза. Тебе не кажется, что даже в этом офисе пахнет военным трибуналом?

Адмирал демонстративно потянул носом воздух и жестом руки отпустил лейтенанта. Едва Уолкер дошел до двери, Маккормик остановил его:

– Я распоряжусь, чтобы водолазы уничтожили оставшиеся на обшивке брандера название и номер. Надеюсь, это укрепит наш сон. Иди, лейтенант, и хорошенько подумай о нашем разговоре. В конце концов, это ты не уберег груз. Проворонил катер-камикадзе!

Прежде чем пригласить в офис командира спасательного судна «Атлас», имеющего на борту глубоководный аппарат, который способен проводить операции на глубинах до трехсот метров, а также декомпрессионную камеру и водолазный колокол, адмирал еще раз припомнил обнадеживающий факт. На боеприпасах установлены специальные датчики распознавания окружающей среды, которые предотвращают взрыв боеприпаса во всех случаях, если он предварительно не испытал на себе расчетного физического воздействия окружающей среды. Советские боеприпасы целы, с ними ничего не случится в ближайшее время. Главная задача – исследовать груз. А поднимать его на поверхность (с учетом взлома кода) можно было только в контейнерах. Разрезать несколько слоев защиты под водой, добираясь до ядерного заряда, было чрезвычайно опасно.

### 3

#### *Иерусалим, Израиль*

Камилю Хакиму пришлось лично встретиться с агентом – оперативный псевдоним Артур. Вот уже больше года Артур – представитель военной разведки Израиля в Москве – работал на Хакима. Его звали Юлием Завадским. Он был завербован по классической схеме, известной как «медовая ловушка». В роли вербовщика выступил сам Камиль, в качестве инструмента – три танцовщицы из его стрип-бара. Первая носила имя царицы Нефрусебек, вторая – Хатшепсут, третья – Нефертити. Завадский попробовал себя в роли фараона с цари-

---

<sup>2</sup> Бывший советник Б. Ельцина по экологии А. Яблоков и секретарь Совбеза А. Лебедь в свое время заявляли: из 132 единиц такого оружия, находящегося на балансе 12-го Главного управления Минобороны России, отсутствует 84.

цами из XII и XVIII династий. На второй день его ублажала сама несравненная Нефертити с украинскими корнями. На третий день он просмотрел себя в записи, причем очень качественной, со звуком Dolby Surround. «Ловушка» и в этот раз оправдала себя. Еще и потому, что Завадский попросил время на размышление. Если бы он отказался сразу, то Камиль, может быть, не стал бы искушать судьбу. Это время сыграло с Артуром злую шутку.

Если бы Завадский предложил встретиться в Хургаде, Хаким отверг бы его предложение. Он назначил встречу на территории национального мемориала Яд ва-Шем, сооруженном у горы Хазикарон в западном Иерусалиме. Точнее, в исследовательском центре, где постоянно действует художественная выставка.

Камиль Хаким был молод – тридцать четыре года – и независим. Имел свой торговый флот. Он и Усама бен Ладен были знакомы больше десяти лет. В чем-то они были похожи, но в общем – разные люди. Бен Ладен жил в Судане с 1991 по 1996 год. Он владел строительной компанией *Nijra Construction* и построил в этой стране дорогу от столицы Хартума до порта Судан. За что правительство расплатилось с ним кожаным заводом в Хартуме. Бен Ладен владел также сельскохозяйственной фирмой *Blessed Fruits*, на фермах которой выращивал арахис, пшеницу, подсолнечник, различные фрукты, кукурузу и кунжут.

Знакомство Бена и Камилля состоялось по следующей причине. Поскольку против Судана действует режим международных санкций, сельхозпродукция будущего террориста номер 1 перенаправлялась в другие страны, в частности на Кипр, откуда экспортировалась в Европу и Америку как товар, произведенный на Кипре. Камиль Хаким (владелец нескольких судов, объединенных в частное пароходство) и занимался доставкой по морю товаров Большого Бена. Однако и по делу о взрывах американских посольств в 1998 году в Найроби и Дар-эс-Саламе, и о нападении на Торговый центр в Нью-Йорке Хаким не проходил даже свидетелем. На одном из допросов он назвал Большого Бена Свинопасом, а себя – Синдбадом. И ничего не добавил к этому – он был по-восточному лаконичным человеком. Он предоставил следствию контракты, заключенные его морской конторой с фермами «Свинопаса». Конечно, он не знал о том, что фермы Большого Бена служили «Аль-Каиде» учебными лагерями. Что с его слов в протоколе было записано верно и закреплено его витиеватой подписью.

Камиль был насквозь пропитан морским духом. Он с успехом совмещал как легальный, так и нелегальный бизнес. В частности, ввозил в Судан различные товары в обход международных санкций. В противовес «сухопутному» террористу, освоившему, однако, небо, Камиль разбил свой небольшой флот на два отряда, преследуя главную цель – *противостоять группировкам морских пиратов и террористов.*

Камиль возмутился, когда на сайте Большого Бена, лишившегося всех толковых офицеров-планировщиков, обнаружил оскорбительную для себя информацию: его флот вдруг оказался флотом «Аль-Каиды»! Впрочем, после в этом заявлении Бена, подрастерявшего авторитет, чье имя давно не появлялось в рубрике «Страшилка недели», Хаким нашел для себя много полезного. С подачи апостола международного терроризма он стал тенью командующим флотом, который подчинялся ему, и только ему: Камиль никогда не разбрасывался. Это в отличие от Ладена, который с середины 80-х годов работал в тесном контакте с представителями американских спецслужб, координируя значительную часть усилий моджахедов в области разведки и тылового обеспечения. После чего разочаровался в окислившейся даме с факелом над головой и политике Дяди Сэма. В марте 1998 года он издал фетву:<sup>3</sup> «По приказу Аллаха убивать американцев по всему миру».

Камиль ничего подобного не издавал, но причислял себя к той категории сильных личностей, которые, чтобы вызвать внимание, не довольствуются хлопком по плечу, а бьют молотком по голове. Завоевывая авторитет среди морских группировок, первый удар Хаким нанес по

---

<sup>3</sup> Фетва – предписание, принимаемое к неукоснительному исполнению правоверными мусульманами.

России, уничтожив команду российского судна и затопив его; то случилось ровно год назад. Он привык сравнивать, и далекая заснеженная страна в его воображении предстала безответным увальнем. Пока что бородатая маска Большого Бена помогала ему готовить очередной теракт.

У него было все – деньги, флот, неплохие команды. За исключением едва ли не главного: по-настоящему боевых единиц морского десанта. Он видел в деле индонезийских пиратов и саркастически ухмылялся: «Не то». Они были обычными разбойниками с комплексом завышенной самооценки.

Камиль не без интереса просматривал работы художников, надолго задерживаясь у каждого полотна. Он был одет в строгий английский костюм и темную рубашку. Его личный телохранитель Шахин не отпускал босса более чем на пять-шесть шагов. И успешно делал вид, что картины мастеров, уцелевших во время холокоста, привлекают его внимание.

Завадский опоздал на четверть часа. Он появился на экспозиции, пройдя по Аллее Праведников, в 12.45. Как раз в это время Камиль бросил взгляд на часы. Потом на своего агента, также одетого в костюм. Завадский был в темных очках. Фальшивая рыжеватая борода и усы делали его неузнаваемым.

Камиль одобрительно улыбнулся, пожимая Завадскому руку. Юлий ответил мрачным взглядом, скрытым за стеклами очков.

– У меня могут возникнуть проблемы, – ворчливо попенял он Камилю. – Две недели – две встречи. Дважды мне пришлось сочинять обоснование для выезда из Москвы.

– И что ты сочинил в этот раз?

– А-а, – махнул рукой Завадский, скривившись. – Тетка заболела. Она действительно при смерти. Живет неподалеку, на Штраус-стрит.

– Район Меа-Шеарим?

– Да. Откуда ты знаешь? Хотя... – И Завадский снова бессильно махнул рукой.

– Ты беспричинно жестикулируешь, мой друг, успокойся, – притворно мягко посоветовал Хаким. – Докладывай, что тебе удалось узнать.

Завадский несколько секунд настраивался на ответ.

– В районе гибели «Хьюга» американцы развернули щит из трех кораблей. Провели несколько погружений со спасательного судна.

Хаким видел «Атлас» собственными глазами: яхта египетского миллионера прошла в полумиле от него. То было универсальное судно с американской военно-морской базы. Оно было способно проводить любые аварийно-спасательные работы – буксировку, снятие судов с мели, заделку пробоин, тушение пожаров, откачку воды, снятие людей с тонущих судов и даже спасение экипажей затонувших подлодок. Единственно, чего «Атлас» не мог, так это поднять груз со дна моря. Хотя глубина там порядка ста пятидесяти метров. Для этого нужен не универсальный корабль, а специальное судно. Плюс подробный и обоснованный план по поднятию.

– На американской базе есть такое судно? – спросил Камиль.

– Нет. Ты прав – сейчас американские военные разрабатывают программу по поднятию «Хьюга». В Бур-Сафагу идет специализированная баржа Eric.

– Гражданское судно?

– Да. Оно принадлежит управлению по подъему затонувших судов.

– Когда американцы планируют поднять «Хьюг»?

– Не раньше чем через полтора месяца. Водолазы поднимают мелкие обломки и свозят на базу. Там работает комиссия во главе с адмиралом Маккормиком. Он представляет в Израиле и Иордании военно-морскую разведку США.

– Да, я знаю.

«Я говорил об этом», – существенно поправил собеседника Завадский. Как и о многом другом. В частности, почему руководство «Амана» посвятило в секретную операцию именно

его. Он представлял военную разведку Израиля в Москве, контактировал с российскими разведчиками, мог сопоставить разрозненные фразы, дать поэтапные заключения: в курсе ли российская сторона «сепаратных» переговоров США и Израиля в секретной миссии «Хьюга».

– Почему именно этот адмирал возглавил комиссию? – продолжал спрашивать Хаким.

– Все просто: он был ответственным за отправку груза из Эйлата. В Тель-Авиве он оставил своего помощника.

– Значит, у нас есть полтора месяца, – покивал Камиль. – Ограничим срок пятью неделями. Время терпит, но у меня так и нет профессиональной команды. Где бы найти настоящих экспертов по диверсиям? – спросил он, улыбнувшись.

– Откуда мне знать? – пожал плечами Завадский.

– У меня тоже могут возникнуть проблемы. Мои интересы в этой области могут быть дешифрованы спецслужбами, и мне перекроют кислород. Боюсь, поверхностная информация уже просочилась. Ты что-нибудь слышал об этом? Что говорят в коридорах «Амана» и офисах российских разведок?

– Об этом я ничего не слышал. Кстати, – Завадский похлопал себя по карману, – я сменил номер сотового телефона. – Он продиктовал новый. Камиль кивнул: «Да, я запомнил». И спросил:

– Беннет знает об этом?

– Нет.

– Я сам свяжусь с ним и продиктую твой новый номер. Беннет остается с тобой на связи.

– Мне он не нравится.

– Мне ты тоже не очень-то симпатичен, а куда деваться? – резковато перебил Камиль. – Докладывай ему обо всем, что касается этого дела. – Египтянин вынул из кармана пачку долларов и незаметно передал Завадскому. – На лечение твоей тетки. Не очень-то ты ее любишь.

Завадский счел за благо не отвечать. Он положил деньги во внутренний карман пиджака.

Наступила пауза. Хаким прошел к следующей картине. Завадский остался на месте. Он краем глаза наблюдал за египтянином, клял и его, и себя. Информация о секретном грузе вылилась в трагедию. Завадский не мог предположить, что Камиль так быстро ориентируется и реагирует. За неделю он успел подготовить брандер и спланировал операцию по уничтожению, вернее, затоплению американского буксира.

Что еще он запланировал? Узнать бы это. Хотя желания предотвратить очередную драму у Завадского не было. Он, конечно, мог сбросить инкогнито секретные данные в родной «Аман», но поплатившись за это своей головой.

## 4

### *Хургада, Египет*

Пьер Фини, имеющий итальянские корни, перебрался с семьей на родину – в Тулон аккурат на свой 45-летний юбилей и устроился на работу в научно-исследовательскую группу, занимающуюся изучением и решением проблем человека под водой; эта работа ему быстро надоела. Сейчас бывшему морскому пехотинцу сорок девять. Он невысокого роста, приземист, с широкими седыми бровями. Ищет сезонную работу.

Одетый в пеструю рубашку с короткими рукавами и синие потертые джинсы, Пьер стоял перед Камилем Хакимом и отвечал на его вопросы.

– Какую школу вы закончили?

– Школу подводного плавания в Сен-Мандире.

– Насколько я знаю, она имеет три отделения, – уточнил Камиль. Он сидел на роскошной оттоманке от Маартена Бааса. Через открытый иллюминатор в каюту проникал полуденный голос моря. Яхта миллионера дрейфовала в полумиле от Хургады. Французского моряка на борт доставил развездной катер.

– Да, мсье, – кивнул Пьер. – Я выпускник отделения водолазов-минеров. Я обучался шесть месяцев, последние три недели в Бресте, где проходят тренировки в холодной воде. После двухмесячной стажировки проходил службу в составе кораблей минно-тральных сил. Участвовал в боевой операции в Суэцком заливе...

– Меня это не интересует, – прервал собеседника Хаким. – На какой наибольшей глубине вы работали?

– В легком снаряжении я опускался на двести метров и проводил на глубине до полутора часов. С французским аппаратом «Оксимикс».

– Итальянский «ARO» вам знаком?

– И очень даже хорошо.

– Садитесь.

– Отличный комбинированный аппарат, – похвалил Пьер, принимая приглашение. Он пристроил бейсболку на колене и продолжил: – С ним можно опуститься и на двести пятьдесят метров.

– Так глубоко вам опускаться не придется.

– Можно узнать насчет характера работы?

– Она сопряжена с риском.

– Как и любое погружение.

– Для начала нужно исследовать состояние груза на одном затопленном судне.

– Старинное судно? – проявил интерес Пьер Фини.

– Современное. Сокровищ там нет. Но его охраняют так, словно его трюм набит жемчугом. – Камиль встал, предложил гостю сигарету и щелкнул зажигалкой. Ответив кивком на благодарность француза, хозяин яхты возобновил разговор, став у центрального иллюминатора. – Над ним позиционированы три военных корабля. Я знаю, что на судно, которое интересует меня, опускался глубоководный аппарат и группы легководолазов. Я хочу узнать, какие работы ими были произведены. На борту судна – это буксир – находятся десять контейнеров. Открывались ли они при помощи технических средств, вам и предстоит узнать. Это первый этап. В зависимости от того, как вы справитесь с ним, мы обсудим дальнейшие шаги. Возможно, вам предстоит поднять груз весом примерно сорок килограммов. Такое возможно?

– Конечно, мсье. В одиночку можно буксировать на ластах груз до пятидесяти килограммов, нужно лишь прицепить к нему поплавок. Или при помощи надувного колокола отбуксировать груз под водой.

– Хорошо. Я вам даю три дня на подготовку. Опробуйте снаряжение, внесите, если потребуется, изменения. Затребуйте необходимое оборудование. Мои специалисты в вашем распоряжении.

– Можно будет посмотреть на место предстоящей работы?

– Вот этого пока делать не стоит. – Камиль снова занял место на оттоманке и забросил ногу за ногу. – Вы профессионал, Пьер, и вода для вас – родная стихия. Ее состав одинаков и под килем моей яхты, и над флагштоком затонувшего буксира.

– Сколько вы платите?

– Пятьсот долларов в день и полторы тысячи за погружение, идет?

Пьер улыбнулся:

– Идет.

В 01.15 к безымянному острову причалила резиновая лодка. На берег высадились два человека. Осмотревшись, они выгрузили снаряжение. Ассистент Пьера Фини помог ему облачиться в гидрокостюм и надеть дыхательный аппарат с гелиевой смесью. Последние три дня ушли на подготовку. Пьер проверил и опробовал итальянский «ARO» в деле – он несколько раз погружался на глубину семьдесят метров. Цикл дыхания в нем осуществлялся как в обычных регенеративных аппаратах. При дыхании инертный газ практически не расходовался, а углекислота связывалась химическим поглотителем.

Затихающая обстановка вокруг затопленного буксира благоприветствовала ночной вылазке. Американские суда, позиционированные над местом гибели «Хьюга», послужили Фини точным ориентиром.

Водолаз подошел к берегу, где глубина достигала пятнадцати метров. Присев на корточки, он бесшумно спиной вперед опрокинулся в воду.

Фини плыл быстро. Ему хватило тридцати минут, чтобы оказаться под американским спасательным судном. Сделав под днищем «Атласа» короткую остановку, водолаз начал медленно погружаться.

Пятьдесят...

Семьдесят пять...

Сто...

Сто пятьдесят метров.

Мощный фонарь осветил флагшток и клотик «Хьюга», ограждение на наблюдательном мостике. Опускаясь ниже, Фини направил луч света в развороченное окно рубки. Тела членов экипажа были подняты. Рядом с путевым компасом лежал ботинок, мимо него проплыла, приводя в движение обрывок бумаги, лупоглазая рыба.

Частью задания была видеосъемка подводного объекта. Фини привел в действие небольшую глубоководную видеокамеру. Удобная рукоятка делала эту работу более чем легкой.

Водолаз опустился еще ниже и сместился к трубе с ограждением. Здесь кончалась передняя часть «Хьюга». Кормовая площадка, которая интересовала ночного пловца, лежала в двадцати метрах. Запечатлев на камеру этот фрагмент, Фини поплыл к другому.

Принайтованные, закрепленные к палубе контейнеры были на месте. Фини обследовал их и не нашел следов работы своих американских коллег. Он был опытным водолазом. Минновзрывная практика позволила ему прочесть все, что произошло с баржей и на поверхности, и под водой.

Фактически все обломки баржи были на месте, а останки брандера подняты. Причем та часть судна-камикадзе, которая пострадала больше всего: носовая. Кормовая – вместе с двигателем и искореженной взрывом обшивкой – лежала кучей металлолома в тридцати метрах.

Нырлящик еще раз вернулся к контейнерам. Двери были сдвижными, и направляющие салазки у всех искорежены. Невозможно сдвинуть дверь в сторону. Фини пришел к выводу, что резка толстого профиля направляющих салазок займет много времени; не избежать и работы над верхними салазками. Проще вырезать более тонкую стенку контейнера.

Фини возвращался обратным маршрутом. Дабы не получить кислородное отравление, он на большой глубине дышал газовой смесью, а при подъеме – смесью с увеличенным содержанием кислорода. Медленно всплыв под американским судном, водолаз на глубине десять метров взял направление на остров.

Утром следующего дня Камиль Хаким просмотрел видеозапись и выслушал доклад французского специалиста: контейнеры целы, обстановка вокруг затонувшего транспорта спокойная. Значит, определился Хаким, можно приступать к очередному этапу: подъему боезарядов.

И еще один вывод сделал Камиль. Командование базы замалчивает очень существенный факт – что нападавшим был известен характер груза. И чтобы не вызывать ажиотажа у египет-

ских властей, в том числе и военных, на месте гибели «Хьюга», излучающего ядерный фон, американцы выставили минимум охраны.

## Глава 2

### Дайвинг по-русски

#### 5

#### *Южный Синай, Египет, август 2004 года*

...Лолка перевернулась на живот и потянулась к пачке сигарет. Крупный пляжный песок осыпался с ее рук, побежал ручейками с обнаженного загорелого тела. Не открывая глаз, скрытых за солнцезащитными очками, Джеб провел рукой по спине девушки, прогоняя с ложбинок остатки песка, задержал руку на единственном участке, прикрытом шафрановыми плавками.

Он лежал рядом, нежась под утренним солнцем, вдыхая запах костерка и жарившихся на огне немецких колбасок. Слушал ровный и завораживающий голос моря, ворчание давно проснувшегося Порта дайверов. Ленивые волны, подгоняемые невесомым бризом, накатывали на берег и сбивали на краю коралловой литорали пенистые шапки утреннего морского коктейля.

– Будешь курить? – спросила Лолка, утопая локтями в песке.

– Не-а, – Блинков привстал и покачал головой. – Сначала перекусить надо. Эй! – крикнул он. – На камбузе! Скоро там? – И проворчал, понизив голос: – Слюной изошел.

Джеб тряхнул головой. Быстрыми и привычными движениями собрал длинные волнистые волосы на затылке, перевязал их резинкой и побежал к морю.

Девушка проводила парня улыбкой, любуясь его мускулистой фигурой. Вот он сильно оттолкнулся от накатанной и блестящей на солнце береговой полоски и вонзился, вынося руки вперед, в навалившуюся волну.

Он плыл быстро, рассекая воду широкими стежками, а с пологого берега Лолке казалось, он борется с сильным течением, оставаясь на месте. Да еще чистый прозрачный воздух, меняющий представление о расстояниях. Кажется, до очередного рифа с крутыми скользкими берегами не больше сотни метров, а на самом деле одинокий изумрудный островок гораздо дальше.

Девушка, занятая неповторимым пейзажем оживающего утра и бойким пловцом на переднем плане, застыла в красивой позе: поджав под себя ноги, опершись одной рукой о песок, другую – с дымящейся сигаретой в длинных пальцах – держала, словно на отлете, у плеча. Она вздрогнула от яркой вспышки, мгновенно растворившейся в солнечных лучах, и тихого щелчка фотоаппарата.

– Не против? – запоздало спросил Кок, отвлекшись от своего занятия. И прокомментировал: – Для желтой прессы.

– Хочешь стать вторым Робертом Мэплторпом?

– Мэплторп – урод. Он фотографирует члены. А давай вдвоем щелкнемся? – невинно предложил Кок.

– Со своей пышкой щелкнись, – Лолка небрежным жестом руки указала на берег.

Подруга Кокарева еще не выходила из бунгало. Николай поглядел в бинокль на хрупкий домик с затемненными стеклами и громко позвал девушку:

– Ирка!

– Крикни, что жратва готова, – посоветовала Лолка, – твоя толстуха мигом выскочит и приплывет.

Николай Кокарев был мускулистым, сильным, резким. Глядя на его выпирающие бугры, словно перетянутые крутыми синеватыми жилами, силу его всегда хотелось использовать по назначению: оттолкнуть лодку от берега, вручить весло, дать команду грести и включить секундомер. И он поперет как сумасшедший.

Лолка улыбнулась. Выкопала ямку и похоронила в ней окурок.

Кок вручил ей картонную тарелку с поджаристой колбаской, завернутой в сбрызнутый красным вином лист салата, и кусочком хлеба. Девушка вдохнула аромат простенького блюда и спросила, проглотив слюну, а заодно и окончание вопроса:

– А почему так ма?..

– А хва... – в тон Лолке ответил Кок, подыгрыв себе бровями. – Продукты на исходе.

Девушка захрустела слегка подгоревшей на костре румяной корочкой, наслаждалась контрастом оросившего язык горячего сока и прохладой салата. Она мечтательно закрыла глаза: «Винца бы...»

– Кок, дай мне вина, – попросила Лолка.

– Сухой закон в Египте, забыла? Вечером выпьем.

– Что я, алкоголичка какая-нибудь? Или я буйная во хмелю?

Николай наигранно поворчал и подошел к ней с бутылкой сухого мартини. Снова глянув на обнаженную грудь девушки, послал два воздушных поцелуя, громко причмокивая.

– Один глоток, – разрешил он.

Лолка выдохнула, словно освобождала место для вина, и отхлебнула едва ли не четверть бутылки.

– Вот это ты всосала! – неподдельно удивился Кок. – Ну и компрессия у тебя! Везет же Джебу... – Присев рядом, он тоже глотнул из горлышка и спросил: – Я заметил, настроение у тебя с утра было неважное. С Джебом поцапалась?

– Да нет, – покачала головой девушка. – Сон дурной приснился. Кошмар.

– Выкладывай, – потребовал Кок, – *иначе сон сбудется.*

Лолка медленно покивала, настраиваясь. Она всегда рассказывала свои сны, дурные ли, хорошие – неважно. Сегодня ей приснилось нечто вроде взрослой сказки про Алису в Зазеркалье. В том сне их было четверо...

Они стоят на открытой площадке какого-то завода. Перед ними разыгрывается жуткая картина: несколько человек готовятся казнить товарища с разбитым лицом. Он вроде бы предал этих людей. Они набрасывают на его шею петлю и толкают с крыши. Он болтается на веревке, но жив. Толстяк в майке поднимается по металлической лестнице и оказывается напротив повешенного. Он смотрит на него, отмахивается, как от надоедливой мухи, и спускается. Повешенный кричит ему: «Хотя бы спусти кровь, чтобы я умер». Но тот не обращает внимания. Небольшого роста человек ведет их в зал. Они останавливаются напротив колонны. Пол выложен крупной бело-синей плиткой. Сопровождающий берет в руки пудовую гирию и бросает под ноги. Образуется абсолютно круглое отверстие размером со стол. Они спускаются. Лолка спрашивает, страшно ли им будет. Она понимает, что назад уже никогда не вернется. Незнакомец говорит, что ощущения будут необычными и будет больно. Потом Лолка оказывается в спальне. Она лежит на кровати. К ней входит незнакомый парень и присаживается рядом. Берет ее за руку. Лолка понимает, что сейчас в спальню войдет Джеб. В общем, быть беде. Незнакомец обнажает ей грудь и целует. Джеб стоит у стены и молча наблюдает. А Лолка уплывает куда-то, голова кружится. Будто впервые ее груди коснулась мужская рука, губы. И она говорит: «Ничего себе, вот это ощущения!» И проснулась. Так и не вышла из той комнаты.

– Да, – прокомментировал Кок, – попала наша Лолка в Зазеркалье, и девку поперло.

– Не надо, – тихо попросила девушка. – В этом сне мне открылась какая-то истина. Я сумела увидеть тайный смысл жизни. Или смерти, не знаю. Очень близко была к разгадке, но чуть-чуть не хватило времени...

– В следующий раз, когда тебя снова поперет и ты свалишься в Закроватье, ты поймешь, в чем смысл.

А Лолке казалось, она все же поняла, что такое смерть. Это когда ты не можешь вырваться из сна, зная, что спишь. И это длится целую вечность... Страшно.

Кок встал.

– Джеб причаливает. Пойду будить остальных.

Но для начала он разбудил моториста, похрапывающего в надувном катере. Его звали Андреем. Он был греком русского происхождения и обслуживал аквалангистов на катере. Он завел двигатель и, пару раз газанув на холостых оборотах, направил лодку к берегу.

Через пять минут у затухающего костерка собралась довольно внушительная компания парней и девушек. Все спортивного телосложения, загорелые. Это Андрей отметил не в первый раз. Компания Джеба, регулярно посещающая Шарм-эль-Шейх, уже трижды пользовалась именно его услугами. Еще и потому, наверное, что Андрей не забыл русский и общаться с ним было легко. Поначалу он обозвал туристов нудистами, но поменял определение, едва увидел, как лихо они, зафрахтовав разъездной катер, парами и поодиночке катаются на водных лыжах. И снова внес изменения. Это он и его товарищи могли кататься, а русские буквально танцевали на воде, вальсировали, зависали в воздухе, переворачивались, вытворяли невообразимые по красоте фигуры высшего пилотажа.

*Но еще искуснее они смотрелись под водой.* Казалось, это их стихия, и они лишь изредка выбирают на сушу – погреться на солнце, разжечь на рифе (чтобы не было видно с Порта дайверов) костерок.

Раньше Андрей работал грузчиком в рыбацком поселке в районе Набки. Работа тяжелая, до сей поры не мог забыть широких просоленных мостков на бревенчатых скользких сваях, ангаров с широкими воротами, выходящими прямо в море; толпы небритых и грубых от тяжелой работы рыбаков; пропахшие рыбой шхуны с высокими рубками и орды кричащих над ними чаек.

Джеб первым позавтракал и подошел к Андрею.

– Смотаемся в поселок?

– Как скажешь, – ответил инструктор. – Мне все равно, пока счетчик крутится. Заскочим в порт, я бак заправлю.

Рыбацкий поселок находился севернее Шарм-эль-Шейха, почти в горловине залива Акаба. И таких поселков, включая и деревни бедуинов, на Синайском полуострове почти не осталось.

Джеб нашел хозяина артели на причале. Причал ошетинился мачтами с покачивающимися фонарями, ревел обшарпанным автопогрузчиком с разлохмаченной резиной и отполированными, как бивни слона, вилами.

Махфуз Али был в обычной полинявшей синей бейсболке с засаленной нижней кромкой, в клетчатой рубашке нараспашку и белой майке. Он поздоровался с Блинковым за руку и позвал его в контору, расположившуюся с краю причала. Это было двухэтажное кирпичное здание с металлической лестницей, елочкой уходящей до самой чердачной двери, и с плоской крышей. Столбы, убегающие вдоль дороги, терялись в перспективе в леске и гудели на ветру натянутыми проводами. Рядом пристроилось еще одно здание из красного кирпича, с двускатной крышей и широкой террасой.

Кроме нескольких судов, хозяин конторы был владельцем двухэтажной гостиницы на четырнадцать номеров под названием «Gull Nest» – «Гнездо чайки». Что без обязательного добавления «sea» – морская – переводилось еще и как «гнездо для одурачивания».

Центральное помещение конторы с бетонным полом и желобком для стока воды посередине было просторным. Справа пристроились пожарный щит и пара спасательных кругов. Плакаты с предостерегающими надписями-правилами. На стенах длинные, с загнутыми кверху краями, свитки бумаги, испещренные цифрами. Стол с телефоном. На высоком потолке лампы дневного освещения.

Махфуз извинился и сделал пару срочных звонков по телефону, после чего пригласил Блинкова в бар-ресторан, расположенный на первом этаже гостиницы. Бар в это время суток почти всегда пустовал.

Али сам прошел за стойку и налил два виски. Ловко подтолкнул один стакан Джебу и подмигнул:

– За встречу?

– Ага, – кивнул Блинков и глотнул обжигающий напиток. – Катер сделаешь? – спросил Джеб, поставив стакан на стойку.

– Что за вопрос! Конечно, сделаю. Скажи, куда и в котором часу подогнать.

– Риф напротив Порта дайверов знаешь?

– Там два рифа.

– Тот, что ближе к порту, – уточнил Джеб. – Как стемнеет. Только не нашуми, подойди по течению и поставь лодку на якорь. И снаряжение не забудь.

– Сделаю, Джей-Би, – на американский манер обратился к гостю Махфуз. – Утром увидимся?

– Дай бог – увидимся, – ушел от прямого ответа Блинков. – И еще, Али, лично проверь акваланги.

Они разговаривали по-английски. Джеб – с едва уловимым акцентом.

Он допил виски и сказал хозяину, чтобы тот не провожал его. Лавируя между лебедками у пронумерованных мест и плотными рядами пластмассовых ящичков разных размеров, Блинков дошел до края причала. Сел в лодку, отвязал швартов и оттолкнул ее. Еще долго смотрел на хаос, царящий на причале: весы, резиновые шланги, насосы, контейнеры с солью, поддоны, канаты, намотанные на кнехты...

## 6

Полдень. Жара невыносимая. Невозможно сделать ни одного движения, чтобы не обжечься о раскаленный воздух, не отдернуть руку от огненного песка. Лолка перебралась ближе к берегу и смотрела на соседний риф конусообразной формы. Моторист, порой исполняющий обязанности инструктора подводного плавания, занимался с другой группой аквалангистов у каменного шельфа, спускающегося вниз на пятьдесят метров. Ни сам Андрей, ни его клиенты не видели за выступающим рифом, чем занята группа Джеба. Лишь Лолка, Ирка и подруга Михаила Чижова могли наблюдать необычную картину. Сейчас девушки находились в странном состоянии: были заморожены действиями парней, но не могли сбросить напряжения. Не могли избавиться от чувства, что в глазах двоится, троится... Казалось, сложные и малообъяснимые движения делает один человек, тогда как на самом деле их исполняли семеро.

Они походили на синхронистов-скалолазов. Каждое движение было отточено, повторялось с невероятной точностью. Словно кто-то невидимый отсчитывал им. И отсчет начинался... с пустого места. Риф. Только ленивые волны лижут его почти вертикальные отполированные грани. Никого вокруг. И вдруг из воды разом появляются несколько голов. Медленно, словно привстают на цыпочках. Замирают. И вот первая неслышимая команда. Раз – подня-

лись руки. Два – коснулись мокрой стены и замерли. Со счета «три» начиналась зримая работа в группе. Каждый из семи аквалангистов, найдя в скале удобный выступ или трещину, подтянулся коротким движением и замер. Потом все разом приподнялись над водой и опять застыли. И снова повтор: в работу включились правые руки и левые ноги, тела по-лягушачьи изогнуты. Еще одно движение, и вот уже вся группа прилипла к скале, полностью выбравшись из воды. Долго, невероятно долго, словно прислушиваясь, сканируя окружающие звуки, висят люди-лягушки на скале. Потом снова одновременно они спускаются в пучину.

«Фантастика, – качала головой Лолка. – Как возможно такое? Ну один – куда ни шло, а когда целая группа выполняет каскады сложных движений...»

И все упражнения были разными. Парни поднимались на скалу каждый раз по-новому. И так же спускались с рифа и... пропадали в воде.

«Резидентская виза» – так Джеб называл эти упражнения. Обладая специфическими навыками, можно залезть незаметной тенью не только на скалу.

Перекур. И опять из воды показываются сначала головы, затем руки, плечи, торсы, бедра...

Снова кажется, что они не дышат, впитывают кожей все, что окружает их...

Кожа Лолки покрылась мурашками, когда она встретила Джеба на берегу, коснулась его и обняла. Ей он действительно виделся существом из другого мира, лишь изредка посещавшим мир этот. И всегда ради нее.

– Джеб... – тихо прошептала девушка. – Я люблю тебя.

Она чувствовала, прижимаясь к нему, как он устал после многочасовых тренировок, как буквально гудит его плоть и словно натянутая на нее кожа.

Еще одна череда странных ощущений...

Шарм-эль-Шейх. Один из самых известных курортов в мире для любителей дайвинга. Каждая гостиница имеет свой клуб для тех, кто хочет открыть для себя этот удивительный мир. Так или приблизительно так призывают сюда бесчисленные рекламные проспекты. Группа Джеба приезжала сюда по особому проспекту с полным пакетом услуг: от аренды специального оборудования и сложных погружений до участия в программах на красивейшие коралловые рифы, подводные гроты и морские суда. И не только затонувшие.

Джеб высвободился из объятий девушки, посмотрел вдаль, на бунгало, отделенные от рифа синеватым полумесяцем бухты. Его манила тишина и относительная прохлада домика, где он забудется в крепком сне, лишенном сновидений. И воспоминаний. Лолка, словно была ведьмой, иногда видела во сне картинки прошлого, которые невообразимым образом переплетались с жуткими кадрами настоящего и футуристического будущего.

Вот сейчас мысли каждого из них перекликались. Шагали из прошлого, отталкивались от настоящего в будущее. Каждый мог рассказать, с чего все началось, и словно молча рассказывал, ловя взгляды товарищей. То один говорил, то другой.

Их было семеро. Евгений Блинков, Владимир Веселовский, Николай Кокарев, Борис Родин, Михаил Чижов, Тимур Музаев, Сергей Клюев.

## 7

Российское транспортное судно «Александрия», взяв товар в грузовом порту Бур-Сафага, шло курсом на Хургаду. Расстояние между ними составляло порядка тридцати пяти миль. «Александрия» уже миновала остров Гифтун-эль-Кабир, с высоты птичьего полета похожий на хвост маленькой проворной рыбешки. На траверзе западной оконечности острова Шакир командир судна Олег Крамар отдал команду в машинное отделение:

– Самый малый...

– Есть самый малый.

Крамар находился в рубке, которую иногда называли штурманской, но чаще просто мостиком. На судне она была единственная и несла функции как рулевой, так и радиорубки.

– Стоп машина! – отдал очередную команду капитан. И «Александрия», приписанная к Новороссийскому морскому пароходству, легла в дрейф.

Дабы не привлекать внимание пограничных катеров, кормовые прожектора остались потушенными. Но именно с той стороны капитан и вахтенный офицер поджидали разъездной катер. Судя по строго расписанному плану, катер отошел от порта Хургады в тот момент, когда мимо проходила «Александрия». Она была трамповым судном, поскольку осуществляла нерегулярные плавания, хотя эта трасса российской команде была хорошо известна.

Семафор был развернут в сторону кормы, матрос-сигнальщик готов был «отморзиться» либо по команде наблюдателя, находящегося на наблюдательном мостике, возвышающемся над рубкой, либо получив сигнал с подходившего к российскому судну на малом ходу катера.

Ночь. Звезды высыпали на небе и отражались в ровных и гладких волнах, лижущих борта корабля.

Поступила команда Крамара подать знак ожидания, и в ночь брызнули, на мгновения перекрывающиеся шторками, яркие пучки света. И тут же пришел ответ с катера, который пока оставался вне поля зрения.

– Команде приготовиться принять катер с левого борта, – прозвучала негромкая команда капитана.

Несколько человек встали у борта и спустили штормтрап. Один матрос приготовил швартов.

Наконец в свете звезд и навигационных огней «Александрии» показался катер с остроскулыми обводами. Рулевой сбросил скорость и подвел катер к борту транспортника. Матрос поймал брошенный швартов и, продев огон через швартовый рым, перехлестнул петлю.

Капитан «Александрии» спустился на палубу и поздоровался, перегнувшись через фальшборт, с чернокожим шкипером катера:

– Hi! How are you doing?

– Fine, thank you.

Рудольфо Крис взялся за деревянную перекладину штормтрапа и ловко поднялся на борт. Вторично поздоровался с коллегой. В отличие от русского капитана Рудольфо был в белой фуражке с «крабом», в синем кителе с отрезанными рукавами и джинсовых шортах. Олег Крамар был в рубашке с короткими рукавами и форменных брюках. В руках он держал увесистый сверток.

– Прошу прощения за опоздание, – извинился обладатель экзотического наряда. – Забарахлил правый двигатель, шли на одном левом. Пришлось пропустить пограничный катер и на время лечь в дрейф. Развалина, – продолжил он, – рассыпается на глазах. Осушительная помпа тоже накрылась. У вас, надеюсь, проблем нет.

– Нет, все в порядке.

– Ну что, будем принимать груз?

– Да, давайте начнем.

Теперь оба капитана перегнулись через борт и наблюдали за нехитрой операцией.

Матрос открыл люк на палубе и вынул из форпика якорь с канатом. Спустился в отсек и подал товарищу холщовый мешок, пахнувший рыбой, перетянутый в нескольких местах веревкой. Он подал знак и поймал конец линя, брошенного ему русским матросом. Прodel конец под стяжку и сделал более чем простой рифовый узел. Подергал трос, давая команду: «Готово».

Матросы подняли груз на борт и положили его к ногам Рудольфо Криса. Шкипер вынул из кармана блокнот и нашел между страницами сложенный вчетверо листок. Сверившись с

часами, Крис поставил время – 00.25 и протянул авторучку коллеге. Русский капитан расписался и вернул ручку.

– О'кей, все в порядке. Спрячьте груз понадежнее, – Рудольфо небрежно пнул мешок.

– Вы всегда возите товар в форпике? – поинтересовался Крамар насчет самого примитивного места хранения – в отсеке на носу катера, где обычно хранятся шкиперский инвентарь и якорь с канатами.

– Какая разница где? – пожал плечами чернокожий шкипер. – В моторном отсеке, в топливном баке или под сиденьем дивана – неважно. Накроют пограничники – найдут в любом месте.

– Верно. Решим еще один вопрос?

– Можно, – с небольшой задержкой ответил Рудольфо. Из кармана куртки он вынул небольшой пакетик. Под фольгой оказался полотняный мешочек. Развязав тесемки, капитан высыпал на ладонь несколько десятков крупных желтоватых алмазов. – Я прошу двести тысяч.

– Сто, – без промедления отозвался Крамар, взяв пару камней и разглядывая их в слабом свете.

– Сто пятьдесят. Это окончательная цена.

– По рукам. – Крамар передал сверток Рудольфо и забрал алмазы. – Здесь ровно сто двадцать пять тысяч.

– Вы умеете торговаться, капитан, – хмыкнул Рудольфо. Он разорвал пакет и проверил пару пачек столларовых купюр.

– Жаль, что все так быстро прошло, – вздохнул Крамар. – Мы могли бы выпить коньяка в моей каюте.

– Выпейте за мое здоровье, когда будете в России и освободитесь от этого груза. До встречи, капитан.

Рудольфо протянул Крамару руку, коротко и сильно пожал ее и начал спускаться по трапу. Матрос, стоящий на люке форпика, помог шкиперу и освободил рым от швартова. Рудольфо сам стал у пульта управления и завел двигатель. Последний прощальный взмах рукой, и он дал двигателю полные обороты. Крамар видел, как лодку кренит вправо и шкиперу непросто удерживать ее при неработающем правом двигателе.

– Отнесите это в мою каюту, – распорядился он, указав на мешок. Поднявшись в штурманскую рубку, он отдал команду в машинное отделение, и «Александрия» возобновила движение по Суэцкому заливу, оставляя слева остров Тавила.

В то время, когда команда российского морского транспортника принимала товар с левого борта, лодка с глиссирующими обводами и продольными реданами на днище подходила, подгоняемая легким ветерком, к правому борту «Александрии». Низкосидящая, незаметная для радаров, изящная лодка с выключенным двигателем напоминала своими пассивными, но грозными маневрами огромный безмолвный фрегат. Она подходила к судну с наветра и, заслоняя противника невидимыми парусами, словно отбирала у него ветер. Отбирала любую возможность маневрировать.

Напряжение команды Джеба было велико, тем не менее в нем плескалось и озорство – это ни с чем не сравнимое чувство свободы, превосходства над противником. Неважно, что он силен, его можно взять, когда он даст слабинку.

Ветер чуть изменил направление, и катер немного снесло в сторону. На фоне внушительных размеров транспортника, который с каждым мгновением нарастал над лодкой, отчетливо казалось, что это он начал приводиться к ветру, чтобы стать поперек невооруженного носа противника и дать залп всеми бортовыми пушками. Свалить на старый курс и уйти от потерявшего скорость преследователя.

На траверзе острова Шакира шел призрачный лувинг – мера против обгона с наветра.

Ветер опять изменил направление, лишь немного поиграв на натянутых нервах русских дайверов. Лодка снова наваливалась на правый борт «Александрии» и уже начала прятаться в тени ее высоких бортов.

Мягкий и неслышный удар о борт резиновым привальным брусом, и за леер спасательной шлюпки зацепился брошенный с катера абордажный крюк. Тимур Музаев повторил движения Кока с кормы, и теперь лодка расчалилась вдоль транспортника и дрейфовала вместе с ним как единое целое.

Клюев принял жест командира и легко поднялся по фалу, усеянному узлами-мусингами, до уровня палубы. Чижов надел, как на крюк, на его согнутую ступню невесомый штормтрап с алюминиевыми перекладинами. Тимур подтянул ногу и поднял трап к груди. На верхней перекладине были приделаны два крюка. Просунув перекладину в щелевой шпигат, Тимур потянул трап вниз, закрепив его крюками на ширстрекке. Оставив фал, он перешел на трап и возвышался над товарищами, как гимнаст над зрителями.

Заработал двигатель катера по левому борту «Александрии». Джеб подал товарищам команду: «Внимание!» Через несколько мгновений заработала машина транспортника, и он медленно, как бы с натугой, неохотно взял прежний курс. Троса натянулись, окончательно взяв абордажный катер на буксир. Только шлюпка постанывала на таях, испытывая значительную нагрузку.

Прошла минута. Катер Рудольфо уже скрылся вдаль. Половина команды «Александрии» отдыхала, вторая была занята текущими работами. Это время было оптимальным для оперативного проникновения на судно.

«Пошел!» – отдал команду Джеб. И Тимур, ухватившись за планширь, перемахнул через борт. Освобождая место следующему, он, пригибаясь, зашагнул с разворотом за левый от себя контрфорс, выступающий на добрых полметра. Оказавшись напротив операционной лебедки, нашел за ней временное убежище. За это короткое время на борт «Александрии» поднялась вся команда дайверов. Они сливались с тенями бортов, шлюпок и лебедек, в тени штурманской рубки, слабо освещенной изнутри.

Джеб первым потянул оружие из-за спины. Это был «микроузи» с магазином на двадцать патронов, длиной с армейский пистолет Стечкина. Идеальный вариант оружия для подобных мероприятий.

– Клюв, Тимур – на мостик, – быстро отдавал команды Джеб. – Кок – машинное отделение. Чижик, Весельчак – матросские кубрики. Родик – со мной.

Команда в мгновение ока рассыпалась на отдельные звенья. Бесшумно, как привидения, они скользили вдоль бортов и надстроек, каждый на свое место.

Клюев и Тимур отмеряли последние ступени к штурманской рубке. Став по обе стороны от желтой двери с иллюминатором посередине, они замерли на мгновение, прислушиваясь. «Давай», – кивнул Клюев. Тимур, взявшись за ручку, потянул ее вниз. Клюев несильно толкнул ее и первым оказался в рубке.

Штурман, одетый как капитан – в рубашку и брюки, – отреагировал на вторжение резким поворотом головы. Рулевой продублировал его движения, намертво зафиксировав руки на штурвале.

– Не двигаться! – по-английски предупредил штурмана Клюев, взяв его на прицел. – Почешешься – выбью твои поганые мозги!

И все же взгляд штурмана скользнул по щитку аварийной связи и громкого оповещения команды. Может, Тимуру показалось, что моряк сделал попытку поднять руку, но действовал на автомате. Резко убирая пистолет-пулемет за спину, он шагнул вперед и снес штурмана с ног передней подсечкой. Оседлав его, приподнял его голову и ровным голосом предупредил еще раз:

– Лежать тихо, руки на затылок. – Несильно двинув штурмана по голове, переключился на рулевого. – Ложись рядом с ним. Я поведу судно.

Клюев тем временем вывел из строя аварийную связь.

Рулевой, оказавшись рядом с начальником, повернул к нему голову и тихо-тихо прошептал:

– Пираты...

Весельчак и Чижов взяли под контроль матросов – и тех, кто отдыхал, и кто неосторожно показался на глаза абордажной команды на средней палубе. Они согнали матросов в один кубрик и держали их на прицеле израильских «узи».

Капитан не успел отпустить моряка, который принес в его каюту контрабандный груз. Моряка звали Андрей Степанов, он во второй раз участвовал в преступной операции и решил было, что и ему позволено взглянуть на содержимое мешка. Принюхался – там икра, черная, красная, без разницы. Или чешуя – настолько резкий был запах. Степанов стоял рядом с капитаном и многозначительно кивал белокурой головой. Олег Крамар поначалу не понял странных ужимок матроса, а когда разобрался, едва не рассмеялся ему в лицо. Они оба находились на той части судна, где даже пограничники и таможенники чувствовали себя неудобно, как на маленьком клочке суверенного государства.

– Ты хороший парень, Андрей, – насмешливо сказал капитан. – Только заруби себе на носу: не суй его так глубоко. Это не предупреждение, а совет. Людям, которые будут встречать нас в Новороссийске, это вряд ли придется по вкусу. Спи спокойно, зачем тебе ночные кошмары?

Степанов мысленно согласился с командиром: ночные кошмары ему ни к чему. Тем более ему идти спать через полчаса.

Он повернулся к двери и сделал шаг вперед. Мимоходом глянул на свое отражение в зеркале, висевшем рядом с дверью. Боковым зрением поймал еще одно отражение, на сей раз справа: над умывальником, отделенным от общего помещения плотной, сейчас распахнутой шторкой, висело еще одно зеркало.

В следующий миг матрос резко подался назад, не успев испугаться. Дверь открылась, пропуская в каюту капитана двух вооруженных людей...

Когда Степанов будет валяться на больничной койке, ему в голову придет оригинальная мысль: это Рудольфо Крис с товарищем решил вернуться за контрабандой. Что не было лишено основания: прошло чуть больше двух минут, как отошел от борта «Александрии» катер с чернокожим шкипером за пультом управления.

Лица пиратов были обрамлены и стянуты черными шлемами, наморщены до предела, словно каждый из них испытывал нестерпимые муки; словно вылетели они со стометровой глубины со скоростью пробки и каждой клеткой ощущали на себе непомерное давление, страдали от закипевшей, запузырившейся в жилах крови. Они в любой момент могли стечься в гидрокостюмы пенистой массой и развалиться вытасченными на берег медузами.

Может быть, эти странные ассоциации как преддверье близкого сумасшествия подействовали на матроса или виной всему стал неоправданный импульс самозащиты, обманувший матроса, что нападение есть лучший способ защиты. Он сделал обратный ход: резко шагнул вперед, поднимая руки к лицу. И даже вынес одну вперед, целясь противнику в голову.

Джеб, чье лицо действительно было наморщено как у старца, испещрено резкими складками, сделал одно-единственное движение. Вначале в сторону пошли его плечи, за ними – торс, последней сместилась вправо голова. Бедра же остались неподвижными. Равно как и глаза: Джеб даже не скосился на промелькнувшую в сантиметре от головы руку. Отпуская оружие, он вынес круговым движением свою руку, ударяя матроса в лицо. Степанов отлетел к умывальнику, ударился о его край головой и сполз на пол.

Джеб секунду оставался в той же странной стойке, которая ломала его фигуру в поясе. Когда его глаза встретились с глазами капитана, он принял нормальное положение.

– Уот из зис колд? – выдавил из себя капитан, предчувствуя, на каком языке пойдет разговор.

– Это называется – дать по голове, – ответил Джеб на английском. – Капитан, мне не хочется наклоняться. Поднимите мешок и подайте его моему ассистенту.

– Вы совершаете ошибку, – покачал головой Крамар.

Родин не стал дожидаться повторной команды командира. Он подошел к капитану и сильно толкнул его к стене. Потянул шнур, опоясывающий его, и несколькими отточенными движениями связал Крамару руки. Подхватив мешок за перевязь, Родин первым покинул каюту капитана и поспешил на мостик.

– Уходим, – кивнул он товарищам.

К Джебу присоединился лишь Клюев. Тимур побежал к матросским кубрикам.

– Уходим!

Чижев примкнул к нему. Весельчак отправился за Коком в машинное отделение.

Они собирались в шахматном порядке, не используя ни голосовой, ни другой связи. Но действовали так быстро и оперативно, словно слышали и видели друг друга.

Джеб на несколько мгновений задержал команду. Прежде чем покинуть судно, он прошел на мостик, открыл журнал и вписал в него две крупные буквы: JB. И быстро спустился вниз.

Клюев уже находился в лодке. Он принял от командира груз и помог ему ступить на борт. Потом по штурмтрапу заскользили фигуры остальных боевиков. Последним спускался Тимур. Он аккуратно снял с ширстрека трап и ухватился свободной рукой за фал, удерживающий лодку. Бросив трап в кокпит, спрыгнул в лодку. Переглянувшись с Клюевым, Тимур приготовил водолазный нож. Едва Весельчак завел двигатель, пираты синхронным движением обрезали оба троса.

Мгновение лодка оставалась на месте – как рыба, отпущенная в воду. Затем с лихим креном отвалила от «Александрии» и взвыла обнажившимся из-под воды вин-том. Вода двумя упругими бурунами обтекала обшивку катера, взявшего курс на изрезанный бухтами берег Шарм-эль-Шейха.

## Глава 3

### Бегом на голгофу

8

#### Иерусалим, Израиль

Провал...

Это слово Иосиф Беннет ни разу не произносил вслух, но оно постоянно вертелось в голове. Рано или поздно, думал человек с агентурным псевдонимом Токи, придет время, когда возникнет необходимость прекратить все контакты. Легко оборвать связь с простым агентом, когда можно сделать это учтиво, с высказыванием благодарности за проделанную работу, размышлял резидент Камиля Хакима. С выдачей «выходного пособия», величина которого не была бы оскорбительно мала.

У Беннета была приличная квартира в районе нового города Каира, неподалеку от самой грязной площади Тахрир, рядом со станцией метро Sadat. Офис страховой компании, где Иосиф Беннет руководил отделом, находился на острове Гезира. На работу он всегда шел одним и тем же маршрутом: минуя мост и оперу, и буквально упирался в почти двухсотметровую каирскую башню, названную «башней ЦРУ»: она была построена на деньги, предназначавшиеся для подкупа первого президента Египта генерала Нагиба. Только недавно Иосиф Беннет поймал себя на мысли, что второе название башни начало давить на него: когда он едва не произнес вслух жуткое слово «провал». В ушах до сей поры стоял голос, раздавшийся утром позавчерашнего дня в телефонной трубке:

– Произошла утечка. Переходим на одностороннюю связь. Исключай из сигнальной связи «ошибочные» звонки по телефону. Мы предпринимаем меры. Следующая встреча в Иерусалиме: молодежное общежитие в Университетском городке. На твое имя забронирован номер.

Беннета не устраивала односторонняя связь – она вязала его по рукам, исключала любое самостоятельное действие, исключала то единственное, на что Беннет уповал больше всего: перестраховку. Он просто обязан был перестраховаться. Не прошло и получаса после тревожного звонка, а он уже входил в роскошный вестибюль Nile Hilton Hotel. На одном из таксофонов он набрал длинный номер.

Беннет звонил в Москву. В данном случае он мог доверять только одному человеку – с агентурным псевдонимом Артур.

– Я получил какую-то словесную ерунду. В ней мне больше всего не понравилось следующее: «Мы предпринимаем меры». Чуть успокаивает тот факт, что на мое имя забронирован номер в молодежном общежитии кампуса. Надо что-то делать, – предупредил Беннет, – как-то выходить из этого положения. Если я пойду на дно, и тебя прихвачу тоже. Ты понял меня?

– Я не знаю, о какой ерунде ты говоришь. Дождись меня в гостинице. Я постараюсь вырваться из Москвы. – Юлий Завадский выдержал паузу. – Никуда не дергайся. Ссылайся на меня, если тебя попросят перешагнуть хотя бы порог твоего номера. Кстати, какой номер забронирован на твое имя?

– Двести шестнадцатый.

– О'кей. Не дергайся, – повторил Завадский.

– Ты сможешь связаться с нашим другом и как-то прояснить ситуацию?

– Только не из Москвы. До встречи, друг.

У Беннета было два паспорта. В одном израильская виза стояла на странице паспорта, в другом на вкладыше – удобнее для того, чтобы проехать, к примеру, в Иорданию. Египет в этом плане был приятным исключением. Дабы не возникло вопросов со вкладышем, Беннет взял с собой другой паспорт. Его и рассматривал в данный момент седоватый администратор отеля, как две капли походивший на ведущего «Русского лото».

– Все в порядке. – Он вернул документ и повернулся к стойке за ключом. – Номер на ваше имя забронирован, но не оплачен. Шестнадцать долларов, пожалуйста. Это без завтрака.

– Могу я расплатиться по кредитной карточке? – пока еще сдержанно спросил Беннет.

– Конечно, – притворно улыбнулся лупоглазый администратор, без нужды поправляя золотистый галстук.

Токи мысленно выругался, распрощавшись с небольшой, но оскорбляющей его достоинство суммой.

– Отнести багаж в ваш номер? – любезно осведомился администратор. Вопрос он задал на чистом английском.

– Нет, спасибо, – с легким восточным акцентом ответил Токи.

Он подхватил дорожную сумку, поднялся на второй этаж этого традиционного здания гостиничного типа, даже с неким налетом восточноевропейской роскоши. Раньше Беннет чаще всего останавливался в небольшом частном пансионе с таким же названием – Youth Hostels в Бухарском квартале на Меир-стрит. Там не столько комфортабельно, сколько спокойно. Как в гостях у дальних родственников.

Токи распаковал багаж, прошел в душ, сполоснулся, сменил рубашку. Застегивая брюки, поглядывал на телефонный аппарат, с минуты на минуту ожидая звонка от Артура. Беннет был уверен, что Завадский, несмотря на занятость, сумел вырваться из Москвы и с минуты на минуту будет здесь.

Иосифу Беннету было тридцать девять лет. Он родился в Палестине, потом вместе с родителями переехал в Израиль. Спустя десять лет перебрался в Египет на постоянное место жительства, устроившись на работу в страховую компанию. Работа была связана с частыми командировками. В основном в Иорданию и Израиль. В настоящее время осталось мало возможностей попасть в еврейское государство из какой-нибудь арабской страны. Беннет прибыл из Египта привычным путем: проехал через Рафиях в сектор Газа, а оттуда в «город трех религий».

Он вел двойную жизнь и наивно, по-восточному считал, что жил вдвое дольше простых смертных. Он получал хорошие деньги, и тоже двойные – когда в долларах, когда в египетских фунтах.

В данную минуту он ломал голову над тем, в какой части цепи произошла утечка информации и не последует ли немедленный арест. Нет, качал головой Токи, спецслужбы Израиля не пойдут на такой шаг. Если предположить самое худшее, что сам Беннет оказался на крючке, то и в этом случае израильские разведчики могли рассуждать только в одном ключе: они имеют дело с опытным вражеским агентом, *им нужны его связи* – и это для любой разведки главное. Может быть, готовят ему какую-нибудь провокацию, надеясь, что он на определенном этапе совершит ошибку, занервничает. По сути, занервничал с первых минут и уже начал жалеть о том, что вышел на связь с Юлием Завадским.

Рассуждая, Токи словно разговаривал с невидимым собеседником.

По пути в гостиницу у него была возможность провериться, и он не обнаружил за собой слежки. Отметил, что солдат, которые в Израиле встречаются постоянно и повсеместно, стало больше.

Кроме Артура, он ждал «постороннего человека» от Камиля Хакима. Во-первых, чтобы получить дальнейшие инструкции, во-вторых – для консультаций. Он предположил, что на связь выйдет Лахман.

В это время по лестнице, устланной выцветшей дорожкой, поднимался посыльный. В руках у него была посылка на имя Иосифа Беннета с обратным адресом: «Israel Tourism Administration», Pilgrimage Division, P.O.Box 1018, Jerusalem». Это был адрес агентства, управляющего гостиницами для паломников: от фешенебельных до аскетичных. Это был самый мирный адрес, не вызывающий подозрений.

Токи едва не вздрогнул (нервы были на пределе), когда раздался легкий стук в дверь. Несколько мгновений он приводил дыхание в норму, потом, поправив ворот на рубашке, подошел к двери.

За дверью стоял молодой человек лет двадцати пяти в серой униформе: брюки, рубашка с короткими рукавами, кепка, надетая козырьком назад.

– Мистер Беннет? – спросил он, сверяясь с квитанцией.

– Да, – с небольшой хрипотцой отозвался Токи.

– Распишитесь, пожалуйста.

Посыльный подал постояльцу авторучку, квитанцию положил на продолговатую картонную коробку с крупными буквами: FedEx. Токи пробежал глазами текст: адрес молодежной гостиницы, номер 216, свою фамилию. Покивав, поставил росчерк. Ему не пришлось останавливать посыльного: тот не двинулся с места, дожидаясь чаевых. Беннет наскреб в кармане четыре шекеля – примерно один доллар, и вручил их парню. Тот кивнул головой в знак благодарности и споро прошагал по коридору. Токи провожал его взглядом до тех пор, пока посыльный не пропал из виду, спускаясь по лестнице.

Беннет зашел в номер, присел на кровать, еще раз вчитался в обратный адрес, пытаясь зацепиться за него и сделать хоть какое-то умозаключение. Насколько он знал, никто из связников раньше не использовал этот адрес.

Он резким движением выдернул бумажный шнур-уплотнитель и открыл крышку.

В номере прозвучал взрыв, от которого разлетелись оконные стекла. С рук и лица Беннета словно сорвало кожу. Он несколько мгновений сидел неподвижно, как анатомический манекен, демонстрируя переплетения мышц, а также строение глазных яблок, запекшихся на его обезображенном лице. Его руки все еще держали дымящиеся картонные лохмотья, когда он подался назад и рухнул на кровать.

Было ровно 14.30, когда Юлий Завадский вышел из такси на пересечении улиц Каплана и Давида Вульфсона. Расплатившись с водителем, он не спеша направился к Новому еврейскому университету. Широкие ухоженные газоны по обе стороны тенистой аллеи, отдаленно напоминающей Аллею Проповедников, радовали глаз и словно скрывали университетские корпуса. Ему навстречу попадались отдельные группки студентов. Одни оживленно беседовали, другие жевали бутерброды и запивали неперменной колой.

На развилке, где в центральную дорогу вливалась еще одна, зажатая между двумя корпусами, один из которых входил в университетский городок, он остановился. Бросил окуроч в урну и присел завязать шнурок. Поднял глаза на молодого человека в серой униформе и кепке. И тотчас вздрогнул: со стороны кампуса донесся приглушенный взрыв. А с другой...

Посыльный в это время шел по направлению к Новому еврейскому университету. На сотовом телефоне он набрал номер и коротко отчитался на иврите:

– Беседер.

А свободной рукой продублировал послание жестом: о'кей.

Завадский смотрел ему вслед не мигая. *Посыльный не оглянулся на взрыв, как это сделали многочисленные стайки студентов. Его походка была деловой, уверенной.*

Чтобы проверить свою догадку, Юлий бросил возиться со шнурками и в быстром темпе преодолел пятьдесят метров. С этого места открывался невзрачный вид на гостиницу. Она коптила развороченным окном на втором этаже и походила на гигантскую русскую баню, топив-

шуюся по-черному. И безмолвствовала. Ни крика, ни шепота. Словно небольшой взрыв уничтожил и постояльцев, и обслугу. То сказалась организованность израильтян, привыкших к многочисленным терактам. Центральные двери были будто заколоченные. Завадский тем не менее точно представил себе картину на противоположной стороне гостиницы. Там из запасного выхода происходила эвакуация всех, кто находился в здании, в противоположную по направлению к взрыву сторону. «Грамотно», – нервно дернулись лицевые мышцы Артура.

Он бросил взгляд вправо, на молоденькую девушку, сжимающую в руке подтаявшее мороженое. Молочно-шоколадные капли оставили следы на рукаве ее рубашки и джинсах. Завадский взял из ее рук брикет и швырнул на газон. Вынул носовой платок и протянул его студентке со словами:

- Проклятые палестинцы!.. У вас не было родственников в этой гостинице?
- Нет, – покачала головой девушка, глядя прямо перед собой.
- Слава богу, у меня тоже.

Руки Завадского, пропитанные специальным составом, не оставляли отпечатков пальцев. Подавая студентке платок, он невольно коснулся оружия, устроившегося в кармане его пиджака. Это был специальный пистолет «глок» седьмой серии. Нечаянное прикосновение к оружию словно подстегнуло Завадского все же задать себе вопрос: «Кто опередил его?» Неужели спецслужбы Израиля? Ответ могли дать полицейские, примчавшиеся на место происшествия на двух машинах. А подтвердить догадку могли военные, появившиеся со стороны улицы Иегуды Бурла. Через минуту-другую тут все будет оцеплено.

Завадский поспешил в обратную сторону. Он словно споткнулся напротив урны и замедлил шаг. Именно на этом месте он встретился с молодым человеком в форме посыльного от фирмы FedEx, заглавные буквы которой красовались у него на груди и спине. «Странный посыльный – без авто или на худой конец велосипеда», – подумал Завадский, когда мельком глянул на него снизу вверх. Сейчас же, миновав место встречи с посыльным, смог ответить на свой вопрос – запоздало, что было несвойственно для такого опытного агента, как он. Ответ пришел на иврите и голосом посыльного: «Беседер». Что означало – «порядок», «дело сделано». Иосифа Беннета убрали израильские спецслужбы.

Опытный агент Токи-Беннет был загипнотизирован одной-единственной строчкой в словесном донесении – о переходе на одностороннюю связь, безошибочно анализировал Завадский, припоминая содержание телефонного разговора. Оперативники израильской разведки отрезали этой фразой Беннета от своих связников. Получив это сообщение, Токи попал в ловушку: он не мог сам адресоваться, а только ждать связи, причем в заранее условленном месте.

Все совпадало, за исключением некой небрежности со стороны исполнителя. Где подстраховка, транспорт, или он настолько уверен в себе, что пренебрег элементарными правилами? А может, в штаб-квартире «Амана» посчитали Иосифа Беннета мелкой сошкой и махнули рукой на сложившиеся традиции, до сей поры позволяющие военной разведке Израиля называться одной из лучших в мире? И не стала ли воображаемая отмашка командой отступить от обычая «чистой» ликвидации. Что, если, думал Завадский, агент в форме служащего сумел задать Токи несколько вопросов и получил на них ответы?

- Такого не может быть.
- А вдруг?..*

Уже во второй раз за последние две минуты Завадский коснулся оружия. Он поставил перед собой задачу и с этого момента больше не сомневался. Он ускорил шаг, взглядываясь в беспокойные стайки студентов. «Куда пойдет отчитываться о проделанной работе оперативник, в местный отдел или его ждут в Тель-Авиве?» – спрашивал себя Завадский. От этого места до шоссе было около четырехсот метров. Скорее всего, машина дожидается мнимого посыльного там, где минутами раньше вышел из такси сам Завадский. Если посыльный не изменит

маршрут и если Артур не ошибся в своих выкладках, по большому счету не имеющих под собой логики, он догонит его раньше, чем тот сядет в машину.

Настроение у него хорошее, гонял желваки Юлий Завадский, с трудом справляясь с желанием перейти на бег. Кажется, он что-то насвистывал, удаляясь по аллее. Какой-то веселый мотив. Был бы он таким ветреным, если бы получил от Токи информацию? Нет, он бы размышлял над ней. Если представить посыльного в качестве тупой машины, исполнителя, то его работа – не задавать вопросы, а умерщвлять.

Отчего-то Завадского передернуло от этого слова. И в тот же миг по телу пробежала приятная дрожь: он увидел человека в серой униформе. Примерно в пятидесяти метрах впереди. Его невыразительная казенная одежда отчетливо проявилась в толпе разодетых студентов. Последних становилось все больше. Весть о теракте в университетском городке коснулась лично каждого, и студенческая братия более или менее организованной толпой покидала учебные корпуса. И это столпотворение было на руку Завадскому. Теперь не было нужды маскироваться, прятать свои движения. В этом мельтешении рук, ног, на фоне восклицаний спешащей по аллее толпы он расстегнул на пиджаке пуговицу и откинул полу. Перевернул пистолет стволом вверх и стал накручивать на него глушитель. И по-прежнему неумолимо сокращал дистанцию: его жертва находилась всего в двадцати шагах.

Со стороны посмотреть – в толпе не было заметно волнения. Ее оживление и направление на гору Герцль говорило о страстном желании ворваться в прохладные залы Музея Израиля, разбиться на пары и скрасить своей молодостью визуальную серость скульптур Родена и Мура в парке Билли Роуза, раскинувшихся вокруг горы.

Впереди обозначился самый маленький корпус из всего университетского комплекса. К этому времени Артур догнал посыльного и дышал ему в затылок. Каждый миг был подходящим для выстрела. Его легкого хлопка никто не услышит, а на мертвого посыльного обратят внимание, когда через него перешагнут раз, другой, третий.

Завадский одинаково хорошо стрелял с обеих рук. В данном случае удобнее стрелять с левой – прямо в сердце посыльному, прикрывшись на время выстрела полой пиджака.

Вот сейчас можно стрелять, слева никого нет.

Артур переложил пистолет в левую руку, откинул полу и дважды нажал на спусковой крючок. И тут же разжал пальцы, выпуская оружие.

Он сделал все настолько быстро, что сумел обойти смертельно раненного агента. Разве что не оглянулся посмотреть на него. А увидел бы он застывшего на месте человека, с распахнутыми, как оконные рамы, глазами. Схватившегося за сердце, пустившего розоватую слюну...

Завадский отмерил двадцать шагов, прежде чем его настиг первый женский выкрик, а за ним еще один...

Он остановил такси, назвал адрес и удобно устроился на заднем сиденье. Водитель развернул машину. Миновав бульвар Герцль, он выехал на другой, носивший имя Вейцмана и ведущий в Тель-Авив. Там у Юлия Завадского, загримированного, как и при встрече с Камилем Хакимом, короткой бородкой и усами, были кое-какие дела.

## Новороссийск – Москва

Матросу с торгового судна «Александрия» все время казалось, что однажды он, не приходя в сознание, скончается на больничной койке. Особо сильно его пугали частые и всегда внезапные падения в черную безмолвную бездну, «где нет ни света, ни дна и нет опоры под собой». Да, все как в стихах поэта: «Лишь черной ниткой ночь видна сквозь край, заделанный

тобой». Врачи, словно он был беременный, а не трахнутый хорошим ударом по голове, успокаивали его: «Это временно». – «Но почему так часто?!» – наивно негодовал он.

Сегодня утром он выпил стакан сока, и его стошнило. В палате стоял кислотный запах рвоты, когда в помещение вошел высоченный человек в накинута на плечи белом халате. В одной руке он держал кейс, в другой – полиэтиленовый пакет, в котором лежало что-то большое и круглое. Ориентируясь на рост посетителя, матрос предположил, что тот принес с собой баскетбольный мяч и сейчас начнет финтить по палате, подыскивая место для броска, пока не схлопочет от главврача три персональных замечания. Что при повторении вылилось в венерическую чушь: триппер зональных.

Гигант подошел ближе и выложил на тумбочку полосатый арбуз. Больной выдавил на лицо идиотскую улыбку.

– Моя фамилия Волков, – представился рослый незнакомец, – Сергей Анатольевич. Я работаю в оперативно-розыскном управлении ФСБ.

– Андрей Степанов, – отозвался матрос.

– Как себя чувствуете? – дежурно поинтересовался следователь.

– Вырвало перед вашим приходом, – сознался Степанов. – И сейчас подташнивает.

«Да он полный кретин!» – качнул головой Волков.

Он отказался от идеи спросить, можно ли убрать арбуз с тумбочки, предвидя ответ: «Ваш арбуз, делайте с ним что хотите». В общем, следователь предчувствовал непростой разговор.

Освободив место, он вынул из кейса несколько листов чистой бумаги, приготовил авто-ручку и по-деловому предупредил, что их беседа будет записана на магнитофон.

– У меня к вам предложение, Андрей: написать заявление о разбойном нападении, совершенном группой неизвестных лиц на судне «Александрия» в районе египетского острова Шакир, Красное море. Я правильно назвал?

Правильно, кивком головы подтвердил матрос. Что нельзя было занести на бумагу и прослушать при воспроизведении записи. От капитана судна он получил четкие инструкции: никому ни о каком нападении не говорить. Особенно раненому матросу. Он выходил из штурманской рубки, поскользнулся и упал. Очнулся... Правильно: он же вез контрабанду.

– Из всей команды мы остановились на вас, – продолжал следователь, – поскольку вы получили тяжкие телесные повреждения. Это в ваших же интересах. В этом заинтересована группа лиц, чей товар, скажем, был реквизирован во время нападения. Я уполномочен говорить и от их имени, – уверенно лгал Волков. – Потом при помощи уголовной регистрации – это система учета сведений о лицах, совершивших преступления – расследуем это дело. У нас есть все основания полагать, что это поможет в установлении факта прежнего привлечения нападавших к уголовной ответственности.

Матрос молчал, тупо глядя на следователя. Волкова не покидало ощущение, что он разговаривает с глухим. Впрочем, он сменил тактику и перешел на нормальный лексикон, несколько повышая голос:

– Что нападение на «Александрию» – не единичный подобный случай. Если вы не можете написать заявление в силу физического состояния, я попрошу сделать это постороннее лицо – медсестру, например, а вы подпишете заявление. И еще: вы несете уголовную ответственность за дачу ложных показаний, а равно за отказ или уклонение от дачи показаний, будучи приравненным в этом отношении к свидетелям. Я думаю, время, когда вы находились под непосредственным впечатлением события, прошло.

Матрос мысленно выругался. Придется писать заявление. И состояние вроде бы улучшилось. Явных признаков падения в пугающую бездну уже не ощущалось.

А вообще Степанов понял, что стал как бы другим человеком, будто у него действительно перевернулись мозги. Он начал задумываться над вещами, которые раньше дерьмом проплывали мимо него. Он стал замкнут. Единственное, чего не мог понять до сей поры, – это зачем

он ввязался в неравный бой и получил по башке. Если вел себя безрассудно, то после сотрясения мозга стал рассудительным и здравомыслящим? Его глаза беспокойно зашарили по палате в поисках ответа, пока не наткнулись на безжизненное лицо следователя, который принес с собой арбуз.

– Хорошо, – наконец отозвался матрос. – Диктуйте, я напишу заявление.

«Не верю...» – покачал головой Волков.

Он отказался от мысли прослушать свободный рассказ потерпевшего – пусть пишет на бумаге. Он подал матросу авторучку и стал неторопливо диктовать текст заявления.

На следующий день приехал в Москву. Он припарковал свою «Волгу» напротив офиса фирмы «Алмаз-Инвест» и напрямиком направился к директору.

Его принял смуглолицый человек лет сорока пяти, одетый в дорогой костюм. Звали его Юрием Хургаевым. Он имел отношение к спецслужбам, но не был кадровиком. Про него Волков еще два года назад слышал: «Не специалист, конечно, но кое-что знает». Хургаев некогда входил в состав директоров Новороссийского морского пароходства. Курировал администрации морских портов и инвестиции в торговые хозяйства.

В 2002 году Сергей Волков вел дело об ограблении жены Хургаева. На нее напали возле ее дома и сняли с нее драгоценных украшений на сумму двести тысяч долларов. Волков справился с работой быстро – ровно через неделю грабители были задержаны. Однако во время следствия вскрылись факты, которые Волков по настоянию самого Хургаева к делу не подшил. На госпоже Хургаевой были бриллианты, закупленные по дешевке в Либерии, а «реализованные» как якутские. На то были соответствующие сертификаты французской ювелирной фирмы, продавшей драгоценности Хургаевой опять же как якутские, что говорило о прижимистости ее супруга. Принадлежность бриллиантов к либерийскому месторождению легко установили эксперты отдела исследования объектов почвенного и растительного происхождения, драгоценных камней Центра одорологических исследований, который находится в Москве на улице Баррикадной, 4. Свою просьбу Хургаев объяснил тем, что не хочет огорчать благоверную. Что совсем не вязалось с его фирмой под названием «Алмаз-Инвест» и недавней высокой должностью в Новороссийском морском пароходстве. Волков легко и детально представил, как Хургаев закупает в Либерии алмазы, контрабандой ввозит их в Россию, обрабатывает и продает их как более дорогие якутские. По средним масштабам прибыль – десятки миллионов долларов.

С той поры Волков не упускал Хургаева из виду. По собственной инициативе подкапывал на него компрометирующий материал. Когда он усугубился реанимацией матроса (считай, пролилась первая кровь), а сам Хургаев, как хороший «наган», был на взводе, потерпев колоссальные убытки, Волков решил взять быка за рога. Просто время пришло, как-то равнодушно, без интонаций Остапа Бендера, попросившего за свою папку миллион, подумал следователь.

– Что привело вас ко мне? – спросил Хургаев, сгорбившись в офисном кресле. Два года назад он видел совсем другого человека. На его лице читалась прозорливость изворотливой ищейки. Хургаев, прочтя это, «выписал» ему неплохие откатные.

«Да, брат, крепко тебя согнуло», – насмешливо посочувствовал Волков, также отмечая перемены во внешности собеседника.

– Разрешите присесть, Юрий Алиевич? Разговор у меня к вам непростой и займет немало времени.

– Опять пришли что-то просить?

– Я пришел с готовым предложением, – ответил Волков. Он пододвинул стул и сел напротив директора «Алмаз-Инвеста». – Для начала я хочу вам рассказать маленькую историю. Не с начала, а с середины. С вопроса: где шлифуется контрабандный товар, Юрий Алиевич, в Новороссийске? А может, в Воронеже? Это я сужу по качеству продукции. – Волков положил на стол кейс и демонстративно медленно открыл его. – Часть бриллиантов вы реализуете в

России, часть в Европе мелкими и средними партиями. Ваш «Алмаз-Инвест» к добыче алмазов не имеет никакого отношения – так, чисто посредническая группа между якутским производителем и продавцом. Но с лицензией на данную деятельность. Я не прав? – закончил Волков, не дождавшись ответа. Наоборот, он напоролся на вопрос. Хургаев задал его тоном утомленного человека.

– Что дальше?

– Мы не виделись два года, верно?

– Уже не помню. – Желтоватое лицо Хургаева осталось бесстрастным.

– Прошло два года, это совершенно точно. Снова ограбление, но не вашей супруги, а целого транспортного судна. Можно сказать, вы пережили целый ряд пиратских нападений. Я понимаю ваше состояние. Вы уже не можете доверять ни своим партнерам, ни начальнику своей службы безопасности. Для раскрытия этого дела вам необходимо третье лицо. Перво-степенная задача – выявить наводчика, который может быть лишь в одном месте – в «Алмаз-Инвесте». – Волков улыбнулся рифмованному окончанию.

Хургаев положил руку на сердце не раз думал об этом. Правда, не мог объяснить, почему тянет резину. На него здорово подействовала измена в родном предприятии, и теперь он видел предателя в каждом человеке. Волков – не предатель. Он фрукт из соседнего сада. Вампир, вымогатель, шантажист. Его можно назвать по-разному. Тем не менее в сложившейся ситуации он, посвященный в детали криминального бизнеса компании, был оптимальной фигурой, способной, что было главным в этом вопросе, вывести изменника на чистую воду. Это раз. Второе: найти ублютков, что грабили его суда.

Волков неверно истолковал молчание Хургаева. Он в очередной раз спросил себя, почему Хургаев возит алмазы по морю, а не по воздуху, что намного быстрее и, возможно, дешевле. И развил эту тему вслух:

– Вы, можно сказать, прикипели к морским парокходствам, к управлению администраций морских портов. Вы не могли отказаться от этого вида транспорта ни под каким предлогом. Там все было схвачено. А налаживать новый вид транспортировки алмазов чревато «разглашением коммерческой тайны».

Следователь вынул из кейса лист бумаги.

– Я был в больнице и получил от матроса вашего судна официальное заявление. Его я передам в прокуратуру, если мы не договоримся. Прокуратура, расследуя дело о разбойном нападении, неминуемо раскрутит контрабандный клубок. Вам это надо?

– Значит, вы беседовали с матросом. Решили перестраховаться. Как прошла беседа?

– Гладко прошла, – ответил Волков. Он вынужденно повторялся: – Теперь у меня есть основание возбудить уголовное дело. Конечно, Степанов будет молчать о том, что на борту судна был контрабандный товар, иначе сам окажется за решеткой.

– Не тяни резину, – неожиданно перебил его Хургаев, переходя на «ты». – И за решеткой я видеть никого не хочу. Действуй официально и неофициально, это, думаю, принесет двойную пользу и сократит сроки твоей работы. Мне нужны имена – наводчика и тех, кому он сливал информацию о контрабанде. Остальное – это мое дело. – Хургаев хищно прищурился и поиграл желваками. – Я доверяю тебе, а ты доверься моему кошельку. Ты за этим и пришел, не так ли?

– Именно. Я не прошу аванс. Мне нужны деньги для работы. Мне придется съездить в Новороссийск, Египет. Время терпит. Со вчерашнего дня я в официальном отпуске сроком двадцать семь календарных дней.

– Сколько?

– Двадцать семь, – повторил Волков.

– Я про деньги спрашиваю! – «Вот идиот!» – мысленно выругался Хургаев.

– Пятьдесят тысяч баксов.

– Посиди здесь, я скоро вернусь. – Глава конторы закрыл ящик стола на ключ, ключ положил в карман пиджака и встал с места. Он грузно прошел мимо Волкова, не удостоив его даже мимолетным взглядом.

Юрий Алиевич вернулся через пять минут и передал следователю желтоватый пакет.

– Во мне ты не ошибся, – предупредил он гостя. – Смотри не ошибись в себе. Ты в отличие от наводчика на виду. Если выкинешь какой-нибудь фокус, я с тебя живого шкуру спущу.

– У меня к вам встречное предложение, – спокойно отреагировал Волков. – Вы заплатите мне энную сумму, и я спущу шкуру с предателя, окопавшегося в вашей конторе.

– Сначала найди его.

– Я найду его, – твердо пообещал следователь. – Доверьтесь моему опыту.

## 10

### *Москва, сентябрь 2004 года*

В 10.30 Александр Абрамов вернулся с планерки. Он бросил на рабочий стол жиденькую папку в темно-синей обложке и надкусил купленный в буфете сэндвич. В это время раздался телефонный звонок. На связи был Юлий Завадский. Ответив на приветствие израильского коллеги и наскоро запив бутерброд минеральной водой из холодильника, Абрамов прикрыл трубку ладонью и тихо спросил у помощника:

– Во время совещания мне поступали звонки?

– Нет, Александр Михайлович, – ответил Григорий Аванесов. Он сидел за своим столом в рубашке и форменном темно-синем галстуке. Что его вечно выскобленному кавказскому подбородку всегда добавляло мшистой синевы. И поспешно исправился: – В начале девятого вас спрашивал полковник ФСБ Волков.

– Волков? – удивленно переспросил Абрамов. Он сказал в трубку «Одну секунду» и продолжил расспросы: – Что интересует Волкова, ты не спрашивал?

– Спрашивал, конечно. Он сказал, что перезвонит позже. Больше вам никто не звонил.

«Никто», – мысленно повторил Абрамов. Он был одет в серый пиджак и темно-синие брюки. Присев на краю рабочего стола и в очередной раз подавив вздох, Абрамов прикинул, что уже не работает в качестве начальника отдела в разведуправлении Главного штаба ВМФ, а доживает последние дни «с переходом на вышестоящую должность». Тот же помощник ждет не дожидается, когда всегда придиричивый, педантичный, едва достигший тридцатилетнего рубежа капитан 3-го ранга снимется с якоря и отшвартуется к другой, может быть, более тихой гавани.

Да, немного уже осталось. Впору отмечать время не по календарю, а по натуральному хронометру.

А кабинета и духа, витающего в нем, жалко... Тот же Аванесов откроет все двери и окна, включит все пылесосы и вентиляторы, выгоняя устоявшийся сладкий дух авантюризма, едва кап-три на прощанье пожмет ему руку.

Абрамов переключился на полковника Завадского: «Следит он, что ли, из своего офиса? Позвонил бы минутой раньше, не застал бы меня на месте».

– Да, Юлий, слушаю тебя. Да, конечно, возможно. – Капитан вздернул рукав пиджака, отмечая время. – Через полчаса буду у тебя.

Абрамов положил трубку. Несколько мгновений провел в раздумье, пытаясь представить, во что сейчас одет Завадский, постригся ли он наконец, уступив ножницам парикмахера рыжеватые завитки роскошных бакенбард. Предположил, что Завадский одет в немного староватый, но все еще модный итальянский костюм с его вечными мятыми лапами.

Оставив бутерброд недоеденным, капитан вытер руки салфеткой и набросал на листке бумаги несколько слов: «В 10.30 мне, старшему оперативному офицеру разведуправления Главка ВМФ А.Абрамову, поступил телефонный звонок от представителя израильской военной разведки в Москве Юлия Завадского с просьбой о встрече в его офисе. Капитан 3-го ранга А. Абрамов». Он расписался и на выходе из кабинета передал служебную записку помощнику.

Сев за руль своего «Форда» и бросив кейс с деловыми бумагами на переднее сиденье, Абрамов мысленно проложил маршрут до Китай-города, дабы избежать пробок на дорогах столицы, и тронул машину с места. Но не успел проехать и пары метров. В голове заштормило, едва он узрел на горизонте белую с поцарапанной дверцей «Волгу». Он с ходу определил, кому принадлежит грязная, с дождевыми потеками машина, носившая определение «числившаяся в угоне», кто готов был выйти из нее и к кому обратиться с каким-то своим наболевшим вопросом: Сергей Волков – к Александру Абрамову.

Еще ничего не произошло, не было сделано ни одного хода, только офицер военно-морской разведки задницей, имеющей свойства универсального шила, связал незапланированный звонок Юлия Завадского и Сергея Волкова, начавшего службу во Втором главном управлении КГБ. Моряку на манер доктора из бородатого анекдота тотчас захотелось послать чекиста: «К терапевту! К терапевту!» Ибо буквально видел, как Волков, вылезая из чумазой «Волги», наклоняется, чтобы прямо на улице показать, что там у него наболело в толстой кишке и каким кляпом наскоро задраено. Потом капитан смягчил тон, понимая, что даже от короткой беседы не уйдешь по спасительному лиману.

– С каких это пор я под колпаком? – оригинально поздоровался Абрамов, разрешая двухметровому и стокилограммовому коллеге протиснуться в свою иномарку. Едва успел убрать кейс с сиденья, иначе тот превратился бы в обычную папку-файл с золотистыми шифрованными замками.

Волков не имел привычки уточнять непонятные места, поэтому по-простому и сразу начал отнекиваться:

– Ни о каком колпаке я не слышал, у меня своих проблем выше крыши.

Чеховский типаж (в Волкове все было большое: и рост, и вес, и нос, и подбородок, и красноватые глаза, и даже должность при оперативно-розыскном управлении) опустил стекло со стороны пассажира и прикурил сигарету местного производства с басурманским названием «Лиггет-Дукат», а в просторечье «элдэ».

– Только не говори, что тебе ничего не известно о звонке Завадского, – предупредил Абрамов.

– Кто такой Завадский?

– Брось! Ты-то какого черта начал в нашем носу ковыряться? Если по собственной инициативе, то у тебя действительно проблемы, брат. У меня сертификат на встречи такого рода. Кроме того, на днях сам стану представителем военно-морской разведки в одной стране с теплым климатом, – поделился сокровенным Абрамов. – На порог не пушу!

– Завидую, – спокойно выкатил губу Волков. – Но мне ни о чем не известно, – признался он. – Ты торопишься?

Абрамов бессильно рассмеялся. Бросив «уже нет», он набрал на сотовой трубке номер Завадского и извинился за опоздание:

– Надеюсь, больше, чем на полчаса, меня не задержат. – Он откровенно неприязненно покосился на чекиста. – Хотя мужик рядом со мной настырный и дебелый.

Пока морской разведчик вел короткий разговор, жестом разрешил Волкову времени не терять.

– Я по твоей милости уже потерял два с половиной часа.

– Как это – по моей милости? – опешил Абрамов.

– Я хотел встретиться с тобой утром: позвонил в офис в начале девятого и занял оборону напротив штаба.

– Зачем?

– На случай, если ты начнешь отнекиваться или решишь уехать по делам.

– Ага, и предварительный звонок отсрочил твоё деловое свидание.

– Точно, – улыбнулся Волков, ничуть не смутившись. – Я прикинул, что утреннее планирование затянется до десяти, и вернулся домой. Сегодня я встал позднее, чем обычно, и не успел позавтракать. Жена уже ушла на работу, и мне пришлось самому встать у плиты.

– Правда? Вот с этого места поподробнее, пожалуйста.

– Пожалуйста, – по-деревенски улыбнулся следователь. – Я пожарил пару ломтиков колбасы и залил взбитыми на молоке яйцами. Приправив нехитрым харчем укропом и зеленым луком, неторопливо приступил к завтраку. Увлёкся газетной статьёй и вот едва не упустил тебя.

– Красиво. А если приступить к делу?..

– Вкратце: меня интересует информация относительно происшествий разбойничьего характера в Суэцком заливе.

Абрамов рассмеялся и послал его на три заглавные буквы: в СВР.

– А точнее, Серега, топай в отдел неарабских стран Ближнего Востока внешней разведки. Там тебе дадут полный расклад: что, где, когда.

– Я вчера там был, – не сдавался Волков на манер журналиста, пробившегося в святая святых штаба ВМФ. – Хочу сравнить информацию СВР и разведки военно-морского флота.

– Вернее, информацию ГРУ, – подкорректировал собеседника Абрамов. – Для начала покажи, что ты собрал в СВР, а я посмотрю, что ответить на это.

– Резонно, – заметил Волков, – что ты хочешь сравнить. – Он помялся для приличия, выудил из своего потертого кейса лист бумаги и начал перечислять происшествия в вышеупомянутых районах. Все они так или иначе носили характер пиратских нападений на российские суда.

– Характеризовать их как теракты нельзя по разным причинам.

– Почему? – спросил Абрамов.

– Потому что это был натуральный морской разбой. Пираты грабили и старались не причинять вреда морякам. Морды били, руки выкручивали – это было. А так вели себя по-джентльменски.

– Старались не причинять вреда, а по морде били? – повторил за Волковым морской офицер и усмехнулся.

– Точно, точно, – не дал усомниться Волков, приглаживая по привычке пышные усы. – Короче, мы разрабатываем группу, которая действует на Красном море по наводке человека из крупной криминальной группировки.

– Россияне? – с интонациями Бориса Ельцина спросил Абрамов.

– Конечно, они, – усмехнулся Волков. – Экстремалы.

– В каком смысле?

– В самом широком. Сами они занимаются дайвингом. Знаешь, что это такое?

– Ты у меня, моряка со стажем, спрашиваешь? Да у меня больше ста погружений с аквалангом!

– Значит, знаешь, о чем я толкую. В основном мои клиенты куролесят в коралловых бухтах на Красном море, на рифах. Ко всему прочему промышляют морским разбоем. Их наводчик сидит в криминальной структуре, поставляющей алмазы и золото в Россию. Схема простая. Наводчик узнает, какое судно берет на борт контрабанду, и передает информацию главарю боевой единицы. Боевики приезжают в Египет по туристическим путевкам. В час икс бросают акваланги, садятся на диверсионный катер и, зная расписание контрабандного судна, берут его

на абордаж. Команда оказывается в сложном положении: заявлять о нападении нельзя, потому что они везли контрабанду.

– Они заявляли о грабежах своим криминальным боссам, – с первого раза угадал Александр Абрамов, уже с этого момента начиная поглядывать на дарственные часы.

– Разумеется, куда же им деваться? – подтвердил Волков. – Последние землю рыли, чтобы вычислить наводчика и выйти на дерзких пиратов. Все без толку.

– Я бы вычислил его за пару секунд.

– Каким образом?

– Слушай. Подозреваемым сливается идентичная информация, *где разнятся только реквизиты* – в данном случае это морское судно. Нападение на то или иное судно указывает на наводчика. Это же классика, Серега!

– Ты не поверишь, но мы так и сделали! Слили информацию о четырех судах, которые идут через Суэц, и ждем результата. Один из четверых подозреваемых обязательно засветится.

– Не верю. Ты просто хочешь присвоить мою идею.

– Классическую? – хмыкнул Волков. И быстро сменил тему. – Однако информация уже просочилась. Более того: матрос одной из команд, подвергшейся нападению, угодил в реанимацию, накатав «телегу» в прокуратуру. Так и родилось дело о морских разбойниках, – уверенно врал Волков.

– Установили их личности? – поинтересовался кап-три.

– С трудом, но установили. С одной стороны, они действовали грамотно, пользуясь услугами одной турфирмы, но на этом и погорели. Пробыли их именно по этой линии. Как всегда, они воспользовались услугами турагентства «Дип-тур», что в начале Большой Дмитровки, – объяснил Волков, махнув рукой в никуда. – Видимо, у них там надежные, проверенные связи. Не исключено, что некто из агентства в доле.

– В нынешнее время не связи, а плотный кошелек важнее. – Еще один взгляд на часы. – Ну а я чем могу помочь, Серега? Поучаствовать в аресте банды морских разбойников?

– Мы фактически доказали все разбойные нападения, которые совпадали с отдыхом бандитов – за исключением одного. В июне они всем отмороженным составом посетили историческую родину Березовского...

– Да говори уж – Абрамовича, – разрешил Александр Абрамов.

– Можно, да? Так вот, дайверы побывали в Эйлате. Говорят, лучший, хотя и платный пляж «Коралл Бич». Рай для ныряльщиков. – Волков округлил глаза: – И ни хрена! Ничего не произошло. Источник в СВР мне сказал, что в июне Красное море было спокойно от морских разбоев.

– Может, твои дайверы просто решили отдохнуть, – резонно предположил Абрамов. – Им что, на роду написано грабить в каждой зарубежной поездке? А как насчет понырять с аквалангом?

– Вроде все верно. Только им отдых не нужен. Ты все поймешь, когда я назову тебе состав участников банды.

– Давай называй. В десять минут уложишься? У меня срочная встреча, Серега, пойми. При тебе отсрочил «стрелку».

– Да, я слышал. Итак, главарь – бывший морской диверсант. Женя Блинков по кличке Джеб. Его ближайший помощник – тоже «котик», зовут Николаем Кокаревым. Еще три человека – морпехи. Остальные – спортсмены. Дерзкая банда. Каюк ей настанет, если мафия нападет на их след. Так что там в июне?.. – спросил Волков.

– Не заглядывая в бумаги, могу повторить за СВР: ничего волнительного.

– Жаль... – вздохнул Волков.

– Погоди, – остановил его Абрамов. – Как ты собираешься действовать дальше? Не вздумай брать дайверов сейчас! Они – крепкие орешки, пока их будут колоть, наводчик сделает ноги. И казну прихватит.

– Ты прав. Будем брать с поличным, – пожал огромными плечищами Волков. – Запустив деду, мы фактически узнали день и час, когда дайверы намылятся на отдых, подключим спецслужбы Египта и возьмем.

– Почему Египта?

– Потому что алмазы идут через эту страну. Но не по прямой по суше, а через Кейптаун, по морю.

– Ближний свет... – покачал головой Абрамов. – Западный берег Африки, южный, восточный, Красное море, Суэцкий канал с выходом в Средиземное море. Более длинного трафика не знаю.

– Зато надежно. Так что там в июне?..

«Как попугай», – покачал головой Абрамов.

– Ничего. Никаких происшествий в моем районе ответственности отмечено не было. – Он на мгновение задумался. – Дай мне список твоих флибустьеров, пороюсь по своим каналам. Может, кто-то в одиночку засветился, а не группой.

– Бери, бери! – обрадовался Волков и только что не добавил: «У меня еще есть». Он ревностно проследил за тем, как капитан открывает кейс-атташе, аккуратно вкладывает в папку список подозреваемых и закрывает чемоданчик.

– Думал, я брошу твою бумагу в бардачок? – улыбнулся наблюдательный моряк.

Волков вместо ответа шмыгнул носом.

На том разговор был окончен. Волков освободил «Форд» Абрамова, и капитан тронул машину с места.

## 11

Офис Завадского находился в Старосадском переулке. Абрамов свернул с Маросейки направо и, объехав дом № 10, довольно легко, чему искренне удивился, нашел место для парковки.

Завадский встретил российского коллегу широкой улыбкой, поддерживая под локоть, проводил к столу. Абрамов только что не дернул плечом, чтобы освободиться от фамильярного жеста сорокалетнего полковника.

– Кофе? – спросил Завадский. Он был действительно одет в знакомый Абрамову сероватый костюм и аляповатый желтый галстук. Не дожидаясь ответа, Завадский включил кофеварку, нашедшую место на широком подоконнике. – Что-нибудь слышал о своем новом назначении? – спросил он. – Может быть, к нам, в Израиль?

– Об этом ты знаешь не в числе последних. Обещаю.

– Приятно ощущать себя где-то в середине, а не с краю, не находишь?

Абрамов пожал плечами.

Завадский тем временем принял звонок по сотовому и морщился, акцентированно потопрапливая собеседника:

– Говори конкретно, ну?! Это в Израиле ВСЕ входящие звонки бесплатны...

– Это правда? – недоверчиво спросил Абрамов у Завадского, едва тот закончил разговор.

– Насчет бесплатных входящих звонков? Абсолютно, – не свойственно для себя энергично кивнул он. – Разве ты не знал?

– Наверное, просто не обращал внимания.

Юлий продолжил с одесским юморком:

– Ты видел Иерусалим не по телевизору? Без стрельбы, шмонов, облав, без войны? Этот Израиль не попадает в объективы.

– Ты говоришь как агент туристической управы.

– А почему нет?

Абрамов рассмеялся:

– Москва набита рекламами туров в Испанию, Египет, Турцию, Италию. Ты же рекламируешь тур под названием «Бегом на Голгофу» в московском офисе «Амана» и с лупой в руке.

– Есть такой пакет, – спокойно подтвердил Завадский. – Правда, он начисто лишен понятия о маркетинге. Зато в пятизвездочных гостиницах тебя обслужат на пять с плюсом. И разве в Израиле тебе понадобится переводчик?

– Я свободно общаюсь на четырех языках.

– Боже! – Завадский всплеснул руками. – Я не о том. Первое, что ты услышишь в коридоре гостиницы, – это еврейский вопрос: «Маруся, ты уборку закончила?» И мощный донбасский ответ Маруси: «А шо?..» Чем тебе не курорт с русским интерфейсом?.. К чему тебе ломать твои четыре явно красивых языка? Что касается стран, которые ты назвал. Я не буду их перечислять, просто дополню к каждой: баски, исламисты, курды, мафия. А в России чеченцы с бомбами.

– Наглядность как способ семантизации иностранных слов?

– Точно, – покивал Завадский, вникнув в смысл слегка заумной речи собеседника. Запоздало выразил соболезнование: – Мне жаль, что в Беслане вышло все так трагически. Мы тоже пережили нечто подобное.

– Трагедию в Маалоте имеешь в виду?

– Да, – кивком подтвердил Завадский.

Самым большим провалом за всю историю существования спецподразделений Израиля стали события мая 1974 года в городе Маалот. Тогда террористам из Демократического фронта освобождения Палестины удалось осуществить крупнейший захват заложников – в руках боевиков оказалось более сотни детей. Утром трое террористов проникли в здание одной из школ и заминировали его. В это время там находилось около ста старшеклассников из другого израильского города Цфат, остановившихся в школе переночевать. Они направлялись на экскурсию по Галилее. Спустя пару часов террористы выдвинули требования: освободить боевиков, отбывающих заключение в израильских тюрьмах. Но Израиль с террористами переговоров не ведет. Начался штурм. Проводило его подразделение пехоты «Сайрет Миткал». Сигналом к операции должен был стать выстрел снайпера. Однако спецназовец промахнулся. Террорист оказался жив, и ситуация вышла из-под контроля. Боевики успели бросить в школьников несколько гранат. Погибли двадцать пять детей, трое их родственников и один израильский солдат. Террористы были уничтожены.<sup>4</sup>

Завадский выключил кофеварку и налил две чашки.

– Ты уже пьешь без сахара? – спросил он, ставя чашку на стол и подмигивая только что прозвучавшей «жидовской» шутке.

Абрамов в очередной раз пришел к выводу, что Завадскому к лицу как кипа, так и куфия. Естественное прикрытие для разведчика. А с рыжеватыми и раскидистыми бакенбардами он все же попрощался. Ему шли прямые короткие бачки, которые как бы подчеркивала золотистая оправка очков.

– Хороший кофе, – похвалил кап-три, сделав маленький глоток.

– Да, марокканский. – Завадский прошел к столу и вынул из папки лист бумаги. – Прочти, – предложил он гостю. – Телеграмма пришла сегодня утром. Если бы я задержался в Иерусалиме на пару дней, привез бы ее лично.

---

<sup>4</sup> «Известия».

- Недавно был в Израиле?  
– Да. По неотложным делам. Родственники вызвали срочным звонком. Тетка уже в который раз оказывается при смерти.  
Капитан углубился в чтение.

*В московское представительство «Аман»*

*Совершенно секретно*

*В ходе оперативных мероприятий установлено, что за рядом терактов, совершенных в Красном море и Аденском заливе, стоит человек, известный в террористической цепи «Аль-Каиды» под псевдонимом Токи. Является специалистом в области систем обнаружения боевых химических и биологических рецептур в морских портах. Записи в рабочем блокноте Токи позволяют сделать следующий вывод: нападение на российское торговое судно «А.Медведев» 19 августа 2003 года в районе острова Сокотра (Йемен, Аденский залив) было совершено одним из отрядов флотилии «Аль-Каиды», базирующимся на стоянке в районе Африканского Рога (Северо-Восточная Африка) и ориентированным на действия в западной части Индийского океана. По предварительным данным, корабль, совершивший нападение на российское торговое судно, был приобретен морским штабом «Аль-Каиды» в 2003 году через маклерскую судовую контору в Салониках (Греция) и после приобретения был перекрашен, прошел ремонт и переоборудование – в частности, были снесены палубные надстройки, чтобы сделать силуэт неузнаваемым. По боевому применению классифицируется как ударный.*

*Записи в блокноте Токи также говорят о планировании морским штабом «Аль-Каиды» очередного теракта, направленного против Российского государства.*

*В связи с вышеизложенным предлагаю создать совместную рабочую группу с целью решения проблем, рожденных морским терроризмом, и разработки ряда превентивных мер для предотвращения терактов. А также для детального расследования нападения на российское торговое судно в августе 2003 года.*

*Директор*

Абрамов пробежал глазами стандартный лист. Текста много, информации достаточно, однако смысл тонко завуалирован.

– В гостиничном номере Токи был произведен обыск, а эту шифровку сочиняли, подглядывая в блокнот агента. Почему? – спросил он. – Почему сам Токи ни слова не сказал?

Завадский развел руками, что расшифровывалось легко: «Милый, ну и вопросы ты задаешь! И так все понятно».

– На его имя пришла посылка, – пояснил он. – Токи вскрыл ее и взорвался.

– Все новое – это хорошо забытое старое? – спросил Абрамов, нарочито насупив брови. – Возрождаете традиции «посылочных» бомб?

– Я ничего об этом не знаю, – Завадский, прикидываясь валенком, пожал плечами и выпятил губу. – Если это работа наших агентов, то по делу. Был такой Хасан Канафани, бейрутский рифмоплет, член Национального фронта освобождения Палестины. Он спланировал резню в аэропорту «Лод» и получил по почте взрывное устройство. Другой функционер отдела полегче – потерял глаз и несколько пальцев.

– Шикарно! Хорошо ты ушел от ответа.

Абрамов все больше хмурился; черный юмор израильского коллеги, построенный на реальных фактах, усугублял его настроение. Завадский фактически подтвердил, что израиль-

ские спецслужбы переусердствовали на поле физического устранения своих кровников. По всем канонам Токи надо было брать живым, однако его грохнули.

«Бегом на Голгофу», – повторил Абрамов и уже видел себя в аэропорту Тель-Авива с вечными очередями к окошкам погранконтроля, где пассажиры раскладывают «пальцы веером» в машине паспортного контроля. Видел Израиль «не по телевизору» – без стрельбы, шмонов и облав. Все то, что заочно наобещал ему Юлий Завадский.

– Есть возможность ознакомиться с материалами здесь, в твоём офисе? – без надежды спросил Абрамов. – Честно говоря, мне осточертели командировки. Я ремонт затеял в своей халупе, родителей подпряг под это дело.

– Нет, – покачал головой Завадский. – Я знаю не больше твоего. Вместе поедем. Лично я – на пару недель. Оставлю здесь своего заместителя. Захочешь остаться на этот срок – только скажи, все сделаю.

– Начальство может не одобрить мою кандидатуру, – несмело сопротивлялся Абрамов. И так же робко противоречил себе: Суэцкий залив, где подверглось нападению российское судно, – с недавнего времени это его район ответственности, определенный направлением отдела военно-морской разведки. Этим и объяснялся звонок Юлия Завадского, ориентированный на конкретное подразделение. Что Абрамов успел установить за это время, каким портфелем данных он обладает – и предстоит обсудить в составе совместной рабочей группы.

– Но сам-то ты хочешь смотаться в Израиль? – спрашивал Завадский.

– Черт его знает...

– Поживешь в моем доме. Не захочешь – устрою тебя в лучшую гостиницу. Я предлагаю тебе отдых в сочетании с делом, а не пиарю сей пакет, есть разница?

И Завадский закончил беседу тем, чем обычно заканчивали все разговоры советские евреи:

– Что бы вы там ни говорили, а ехать надо!

## 12

### Хургада, Египет

Пьер Фини осуществил шесть погружений к затонувшей барже и в общей сложности заработал порядка десяти тысяч долларов. У себя на родине он присмотрел неплохой «Кадиллак Де Виль» – красивая, элегантная и крайне недорогая машина. Продавец подержанных авто запросил за нее всего шесть тысяч евро. Мысленно конвертировав американскую валюту в европейскую, Фини довольно улыбнулся: даже заработанных на этот момент денег хватит на осуществление своей давней мечты. Он уже видел себя за рулем, жену на переднем сиденье, сына, невестку и своего годовалого внука – на заднем.

В тулонской научно-исследовательской группе Пьер не проработал и года. Ему нравилась сезонная работа: отпахал шесть месяцев, шесть месяцев наслаждаешься жизнью, подкапливаешь жирок. Он предлагал свои услуги водолаза-инструктора на известных египетских курортах, но все места в дайв-клубах были заняты более молодыми специалистами. А в паршивых местах отдыха «старикам» предлагали гроши. Фини в поисках работы прокатал все деньги и решил было возвращаться в Тулон, как вдруг в Хургаде в офисе найма на работу ему улыбнулось счастье. Его анкетой заинтересовался человек, представившийся Лахманом. А после встречи с Камилем Хакимом Фини позвонил домой.

– Дорогая, я нашел приличную работенку! – на радостях докладывал он жене. – Да, работаю на какого-то психопата, он платит бешеные деньги. Я даже за жилье не плачу. У меня

своя каюта на роскошном транспортнике. Да, скоро увидимся. И тогда уж, поверь мне, закатим настоящую вечеринку! Целую!

Минувшей ночью он наконец-то вскрыл один контейнер. Для этого ему потребовалось три погружения и кропотливая работа по два часа за один раз. Он пользовался автогенем и специальными ножницами для резки металла. Ножницы пригодились, когда он вскрыл контейнер и еще один металлический, с ребрами жесткости, ящик, стоящий в контейнере на поддоне. В свете фонаря водолаз увидел свинцовую обшивку. Точно, свинец, убедился Фини, попробовав оболочку водолазным ножом. Он пустил в ход ножницы, продолжая ломать голову над характером груза. Он словно чистил луковицу – один слой, другой, третий. В конце концов, так можно и слезы пролить.

Он не ошибся, когда снял свинцовую обшивку: под ней находился деревянный ящик. Пожалуй, он мог весить обещанные сорок килограммов. В качестве рычага Фини использовал ножницы. Просунув под ящик длинную ручку, он довольно легко приподнял его. Опустил: из-под нижней части свинцовой обшивки, вытащить которую пока не представлялось возможным, вырвалась тонкая струйка ила. Уже заилило, удивился Фини. Впрочем, немудрено. Ведь контейнер не был герметичным.

Водолаз посмотрел на часы: пора подниматься. Он спрятал автоген за правым двигателем баржи. Ножницы и другое оборудование укрыл за порванным краем обшивки. Чертыхнулся: совсем забыл снять на камеру результат своей сегодняшней работы. Укрепив фонарь на обресе контейнера, включил видеокамеру. Взял крупным планом ящик, закрытый на замок.

Вот теперь все. Пора подниматься. Может быть, завтра он приготовит все для подъема груза, а послезавтра завершит операцию.

Камиль Хаким внимательно смотрел запись. В его руках был пульт. Четкий стоп-кадр позволил ему разглядеть то, что, возможно, ускользнуло от внимания Пьера Фини. Во-первых, это замок – обычный, навесной, с длинной хромированной дужкой. И то, что прилагалось к нему: устройство, разработанное американской компанией Navy Tag Technologies.

Хаким оставил магнитофон на паузе. Сунув руки в карманы брюк, он прохаживался по каюте и часто бросал взгляд на замершую картинку.

Вынашивая планы мести, Камиль был рад любой информации относительно охраны как гражданских, так и военных объектов Соединенных Штатов. Он собирал ее по крупицам и мысленно восстанавливал целые картины. Например, информация такого рода. Командование Береговой охраны США сделало оценку: для обеспечения безопасности портов конгресс выделил в шесть раз меньше запрошенной суммы. Это не позволит даже приобрести и внедрить новейшие приборы для контроля грузовых контейнеров. В настоящее время их количество в американских портах дает возможность проверить лишь *три процента* контейнеров на наличие радиоактивных материалов.

Камиль умело отбросил окончание, но сосредоточился на середине – это приобретение и внедрение новейших приборов для контроля грузовых контейнеров.

Снова взгляд на экран телевизора. Крупный план продукции Navy Tag Technologies. Такое устройство, укрепленное на замке морского контейнера, немедленно извещает по спутниковой связи о попытке открыть замок. *И вообще снимать его рано.*

Рано...

Камиль напрягся от этой мысли. Рано снимать. Боевой заряд можно легко вынуть, сломав боковую стенку и...

Хаким вооружился пультом и чуть перемотал назад. Так и есть: ящик был обшит тонкой металлической лентой.

Он вызвал Фини. Француз явился через пять минут с хмурым выражением лица.

– Извини, что разбудил тебя, Пьер, – принес извинения Хаким. – Возможно, меня завтра не будет в Хургаде. Я хочу лично дать тебе инструкции. – Он снова перемотал пленку и нажал на паузу. – Видишь замок и устройство на нем?

– Да, – ответил водолаз, потирая красноватые глаза согнутым пальцем.

– Ни в коем случае не трогай его!

– А что такое?

– Это спутниковый навигатор. Нарушишь его, и хозяева груза тотчас узнают об этом.

– Я постараюсь...

– Ты не должен стараться! – неожиданно вспыхнул Камиль. – Я нанял тебя, так что будь добр выполнять мои распоряжения. За это ты получаешь деньги. – Хаким успокоился и смягчил тон. – За эту ювелирную работу я готов повысить твою ставку. Твое последнее погружение я оцениваю в десять тысяч.

Фини мгновенно ожил.

– За такие деньги я готов сейчас же поднять ящик.

«За такие деньги...» – брезгливо поморщился Хаким. Он готов был отвалить этому эксперту сотню, две, пять сотен тысяч долларов.

– Сегодня отдыхай. А завтра... У тебя все готово к подъему?

– Абсолютно, – подтвердил Пьер. – Для подъема и буксировки я использую обычный надувной плот. Он будет наполняться углекислым газом из баллона. Когда ящик поднимется, я перекрою кран. Короче, груз – это корзина воздушного шара. Плот – его оболочка. Открою клапан плота – наш подводный шар опустится. Открою кран газового баллона – поднимется.

Камиль улыбнулся и позволил себе шутку:

– Надеюсь, газовый баллон не очень большой.

– Да что вы, мсье! Чуть больше пивной банки.

Пока все шло по плану. Удар брандера по судну с ядерными боезарядами не повлек взрыва самих зарядов: у него свой, «внутренний» взрыватель. Об этом Камиль не беспокоился изначально. В конструкции боеприпаса предусмотрено специальное устройство – «предохранитель», предотвращающий его случайный взрыв при пожаре, падении, механическом или электрическом ударе, то есть во всех случаях, кроме штатного применения.

Хаким еще раз посмаковал это выражение:

– Штатное применение...

– Что? – удивленно вскинул свои седые брови Фини.

Египтянин покачал головой: «Ничего». Он вдруг отметил, что француз со своими убежденными волосами и длинной челкой, падающей на глаза, похож на Джона Болтона, которому пророчат должность посла США в ООН. Человека, который в свое время утаил важную информацию от Госдепартамента. Вот и Фини посвящен в секретную миссию; но уподобится ли он своему американскому «двойнику»? *Утаит ли нечто важное, увиденное им на дне Красного моря?..*

## Глава 4

### Деловые парни

13

#### Тель-Авив, Израиль

Абрамов не раз контактировал с офицерами израильской военной разведки, а вот начальника «Амана» Шимона Эйтана видел впервые. Генерал-майор казался неподвижным в своей тучности, и это чувство усугублялось его чрезвычайно низким, мычащим голосом. И даже прической, которая в советские времена называлась полубокс. Словно косою прошли по его голове, оголяя виски и оставляя непослушную копну на макушке.

Абрамов тут же сравнил его с коровой.

Эйтан свободно говорил на шести языках. Часто пользовался приемами маскировки, когда нужно было инкогнито посетить ту или иную страну. Александр Михайлович слышал, что на недавние секретные переговоры в Иордании генерал прибыл в парике и с фальшивой бородой. Собственно, и высшие чины российского разведсообщества нередко прибегали к таким методам, но они всегда хранились в тайне. И не по той причине, что обыватель не поймет и начнет высмеивать шпионские методы генералов от разведки. В Израиле все было гораздо проще. Вся страна – это огромный разведывательный лагерь. А «Аман» – самая большая и самая важная часть разведывательного сообщества с точки зрения обороны еврейского государства. И в этом плане он напоминал американское Агентство национальной безопасности: живет в тени ЦРУ, но в то же время создает основу, на которой в конечном итоге базируются все успехи американской разведки. «Аман» жил в тени «Моссада».

– Здравствуйте, Алекс, – пробасил Эйтан на отличном русском, привставая и пожимая разведчику руку. – Я много слышал о вас. Рад с вами познакомиться. Предлагаю провести беседу на вашем родном языке. Мне так будет... – Эйтан выдержал беглую паузу... – спокойнее.

«Сейчас он улыбнется, и я увижу кривые желтые зубы», – предположил слегка нервничающий Абрамов.

Генерал действительно изобразил на квадратном лице улыбку, в которой на миг показался ряд ровных белых зубов.

– Присаживайтесь, – Эйтан указал на офисное кресло у продолговатого стола, – через минуту я к вам присоединюсь.

Генерал встал и вышел в приемную. Абрамов воспользовался паузой и оглядел рабочий кабинет израильского «Спрута». Он был выдержан в коричневатых тонах и мог дать представление о самом хозяине. Мебель массивная, шторы тяжелые, книги в толстом переплете. На столе пристроилось неподъемное пресс-папье в виде... бронзовой скульптуры футболиста, бьющего по мячу.

– Эйтан любит футбол? – спросил Абрамов.

– Да, – подтвердил Завадский, поигрывая серебристой авторучкой. – Только ты не затрагивай эту тему. Он не любит, когда наблюдательность является причиной праздного любопытства. Ваш Андрей Тихонов играл за нашу команду.

– «Маккаби»?

– Ну да. Эйтан присутствовал на одном из матчей. Ему понравилась игра вашего полузащитника на левом крае. Кажется, в той игре Тихонов сделал потрясающую голевую передачу. Так, как умеет делать только он.

– Генерал сидел в ложе для VIP-персон?

– Никто не знает, где он сидел.

– Ясно, – покивал Абрамов, – он бегал вдоль бровки с клетчатым флажком лайтсмена. Потому и запомнил потрясающую передачу Андрея Тихонова.

Завадский кивнул в никуда.

– Он все слышит, между прочим.

– Вспыльчивый мужик? – Абрамов продолжал собирать данные на начальника военной разведки. – Я слышал, что прежний начальник «Амана» страдал недержанием. Орал на аналитиков и лупил их по головам досье с первичной информацией: «Ради бога! Ваши оценки не вытекают из этих данных!»

– Ты про Аарона Ярива говоришь? – Глаза Завадского погрузтели. Он даже чуть наклонил голову и бросил крутить ручку. Убрав ее во внутренний карман пиджака, продолжил: – Ярив сделал для нашей разведки очень много.

– Куда он ушел?

– На пост советника премьера по вопросам безопасности.

– Да я про Эйтана спрашиваю! – рассмеялся Абрамов.

Завадский не разделил мальчишеской радости русского разведчика и промолчал, все так же печально глядя на него. Но все же пояснил:

– Он сейчас придет.

Генерал явился через пару минут. Он сел напротив Абрамова и слева от Завадского. Сказал «одну секунду», взял с рабочего стола пачку «Кэмела» и вернулся, тут же прикурив. Он затягивался медленно и глубоко, скосив глаза на уголек сигареты, словно гипнотизировал и себя, и собеседников. Абрамов едва не раскрыл рот, наблюдая эту в буквальном смысле слова затянувшуюся картину. У него сложилось впечатление, что Эйтан надувает дымом воздушный шарик, спрятанный в груди. У него едва не перехватило дыхание, когда, по его мнению, генерал должен был задохнуться, а потом медленно морской дохлятиной подняться над столом. Но вот генерал убрал сигарету и выпустил мощную струю дыма.

Абрамов почувствовал значительное облегчение и даже улыбнулся. Скосил глаза на Завадского. Израильский полковник сидел с непроницаемым лицом, видно, привык к необычным фокусам начальника, и поигрывал концом полосатого галстука.

– Токи, – начал Эйтан, запоздало расстегнув пуговицу на пиджаке. – Настоящее имя Иосиф Беннет. Сабра<sup>5</sup> – так мы называем евреев, родившихся в Палестине.

– Я знаю, – кивнул Абрамов. – Генерал-майор Ицхак Хофи...

И прикусил язык, кляня себя за несдержанность.

– Да, вы правы, Алекс, он стал первым саброй, возглавившим в 1974 году «Моссад». Не пойму, почему вы стушевались. Все нормально, расслабьтесь. Мы допустили ошибку, ликвидировав Беннета-Токи. Мы ничего не знали о его связях с морским штабом «Аль-Каиды». В нашем списке он числился как человек, связанный с палестинскими боевиками. Работал в египетской страховой компании и часто ездил в Израиль, Иорданию. В другие арабские страны – с трудом, поскольку в его паспорте стояла израильская виза. Наш производственный департамент не справился с анализом добытой информации: по ней Беннет проходил как связник с палестинскими партизанами. Им занялся наш палестинский отдел, и случилось то, что случилось.

---

<sup>5</sup> Сабра – кактусовый плод (иврит).

«А потом ты наорал на аналитиков и настучал им по голове», – мысленно дополнил Абрамов. Он считал, что со своей «еврейской» фамилией прокатывается в главном кабинете израильской военной разведки за своего. Отсюда такая откровенность шефа «Амана». Полушутливые выкладки, конечно. Открытость генерала базировалась больше на непримиримости к врагам Израиля. Плюс разведки этой страны не скрывали провалов и спокойно принимали критику за совершенные ошибки.

– Хотя не обошлось без накладок, – продолжил генерал. – Оперативный сотрудник нашего управления был убит.

– Беннет работал с подстраховкой, – взял слово Завадский и снова полез в карман за ручкой. – Наш агент был убит на окраине Нового еврейского университета.

– Странный шаг, – заметил Абрамов. – К чему рисковать, убирая исполнителя противоположной стороны? Я бы понял это, если бы его убрали люди из вашего же палестинского отдела.

– Возможно, нашего человека, который какое-то время общался с Беннетом, заподозрили в чрезмерной информированности, – сказал Юлий Завадский. – Другого объяснения мы не нашли.

– Я доволен тем, что именно вы, Алекс, вошли в состав совместной группы, – резко сменил направление еврейский «Спрут». И едва ли не повторился: – Я слышал о вас много хорошего и всегда мысленно комментировал: «Да, это крутой парень».

«Интересно послушать выдержки из собственного досье, звучащие из уст начальника израильской разведки», – прикинул Абрамов, улыбнувшись последней фразе Шимона.

– Поправьте меня, если я ошибусь. Собираясь в очередную командировку, вы, Алекс, думали о том, что в качестве руководителя отдела разведуправления ВМФ она для вас – последняя. И может быть – самая короткая. Немного подлиннее могла быть в Египет в качестве представителя разведки российского ВМФ в этой стране.

– Нечто подобное имело место, – подтвердил Абрамов.

– Хорошо. Дальше. Вы всегда считали себя пушечным мясом. И в этом определении я бы сравнил вас с Валентином Варенниковым.

– Почему именно с ним? – искренне удивился Абрамов. Но больше тому, что Эйтан в сравнении произнес имя знаменитого русского генерала без намека на паузу. – Не совсем корректно, мне кажется. Он все-таки генерал армии...

– Сейчас объясню. Он долбил экстремистов ракетными ударами в Пакистане и принимал ответственность на себя. Никуда не докладывал и разрешения на превентивные меры не испрашивал. Согласитесь, трудно представить форму обращения: «Можно я нанесу ракетный удар по территории суверенного государства?» Что на это мог ответить ваш министр обороны? Мол, наноси?.. А если бы обратился, то напоролся бы на следующее: «Ты в своем уме?!»

Замедленным кивком Абрамов все же принял довольно лестное для него сравнение. И слушал дальше, удивляясь: «Вот это он чешет по-русски!»

– По сути, вы ехали на встречу с такими же, как вы, деловыми парнями. Я не прав? – улыбнулся Эйтан.

Абрамов подтвердил правоту начальника «Амана» поднятыми руками: «Сдаюсь!»

Он не стал уподобляться Эйтану и сравнивать его хвалебную речь, к примеру, с вербовкой старшего офицера ВМФ России, и не кем-нибудь, а высшим чином военной разведки Израиля. Абрамов довольно точно разобрался в скрытой дипломатии Эйтана: *он, привлекая к совместной работе российскую сторону, избегал конфликта интересов.*

– К делу, – поторопил себя Шимон Эйтан. – По нашим данным, которые мы в свое время передали в том числе и российской стороне, «Аль-Каида» сформировала военную флотилию численностью девятнадцать кораблей грузового класса. Большинство судов террористы при-

обрели в 2002–2003 годах через маклерскую судовую контору в Салониках. Я упоминал об этом в телеграмме, кажется.

«Посредством телеграммы ты и вытащил меня в последнюю, может быть, командировку», – продолжал дополнять Абрамов.

– Я помню, господин директор.

– Дальше. Около трети судов были куплены у пиратов Индонезийского архипелага. Страховой фонд Lloyds of London – слышали о нем?

– Да, – кивком головы подтвердил Абрамов, – очень крупная организация с хорошей разветвленной агентурой.

– Именно. Мы тесно сотрудничаем с ней. Так вот, разведотдел фонда утверждает, что корабли флотилии расщеплены в небольших гаванях и островных укрытиях Индийского океана. Переоборудование кораблей пропустим – это и так понятно. С вооружением тоже все просто.

Шимон Эйтан положил перед гостем несколько фотографий.

– Что скажете вы, специалист в этой области? Вот пара судов, которые точно входят в так называемый морской штаб террористов.

– Неплохо, неплохо, – скороговоркой выпалил Абрамов, опытным взглядом оглядывая суда, изображенные на снимках. – Оба принадлежат к боевым кораблям – это однозначно. Вижу, палубные надстройки действительно подверглись изменениям, но то, что это минные тральщики, – несомненно. Один рейдовый – здоровый, сука! – свыше двухсот тонн. Второй более легкий катер-тральщик, скорость более 20 узлов. Гидроакустическая аппаратура на месте. Что еще? Радиоэлектронные средства наблюдения и навигации.

Эйтан и Завадский обменялись взглядами. В глазах шефа военной разведки стояла похвала в адрес русского офицера. Завадский, занятый какими-то своими мыслями, неопределенно пожал плечами.

Абрамов до боли в глазах всматривался в снимки.

– Судя по брезентовым чехлам, они скрывают скорострельные автоматические пушки, крупнокалиберные пулеметы, переносные зенитные и противотанковые комплексы, – легко ответил он, ориентируясь по характерным контурам вооружений. – По боевому применению первый корабль я отношу к ударному. А вот этот, маленький, рейдовик может быть предназначен для действий в качестве корабля-камикадзе.

– Брандер, – покивал полковник Завадский, словно проснулся.

– Я бы обратил ваше внимание на другой, более тяжелый корабль, – посоветовал русскому разведчику Эйтан. – По нашим данным, именно его команда совершила нападение на ваш «Медведев».

– Это серьезно... – Абрамов вернул снимки и уселся поудобнее. Не такая солидная, но все же карта в его рукаве была припасена. И он не преминул выкинуть ее. – Вы правы, господин генерал, мы проверяли информацию фонда Lloyd по своим каналам, и она полностью совпала.

– Что конкретно вы выяснили? – проявил настороженную заинтересованность Шимон Эйтан.

– Флотилия террористов состоит из двух отрядов, нацеленных на операции в регионах Индонезийского архипелага. Там же особенно активно оперируют пиратские группировки...

Неожиданно в этом месте Абрамов нахмурился и тщетно пытался понять причину легкого беспокойства. Словно он в решающий момент забыл главное. Даже повторил окончание фразы: «*пиратские группировки*».

– Именно тот факт, что пираты творят свои разбойные нападения практически безнаказанно, – продолжал он, – подтверждает реальную возможность действий флотилии террористов и колоссальную трудность обнаружения их кораблей, которые могут *успешно маскироваться под пиратские и скрываться среди них*.

Ударение, сделанное Абрамовым на последней фразе, мгновенно дошло до Шимона Эйтана. Русскому капитану показалось, что на лице начальника «Амана» промелькнуло удивление. Что тут же нашло подтверждение в его восклицании:

– Маскироваться под пиратские суда и скрываться среди них?! Господи, какой гениальный ход! Честно говоря, мы не думали об этом. А кто в вашем штабе додумался до этого?

Абрамова подмывало ответить «ваш покорный слуга» или «один очень умный аналитик». Он ответил очень коротко:

– Я.

– Поздравляю! – искренне воскликнул Эйтан. – Что дальше?

– Дальше то, что вы, господин директор, наверняка знаете. В принципе даже намного более крупные корабли в такой насыщенной судами акватории, как Индийский океан, могут быть непоозиционированы.

– То есть выпасть из системы спутникового навигационного контроля, – со знанием дела покивал генерал.

– А суда малых классов такому контролю практически недоступны, – вставил Завадский. – В качестве примера можно привести недавнюю атаку на американский транспорт. Я имею в виду «Хьюг-017».

– Мы в курсе этой непростой проблемы. Так что, – сделал вывод директор, – определить дислокацию флота исламских террористов, их маршруты и объекты нападений возможно только с помощью *разветвленной агентурной сети*. Продолжите мою мысль, господин полковник, – попросил Эйтан младшего товарища.

– Американцы в сфере сотрудничества помогают плохо, – тут же подхватил Завадский, принимая «американский» удар на себя. – Последнее время они больше озабочены безопасностью своей страны.

– Именно. И где тут отыскать сотрудничество? – Эйтан развел руками и даже порыскал в поисках сооперации своими холодными навывкате глазами. – То больше походит на замаскированный запрос о помощи: «Вы ничего про атлантический отряд террористов не слышали?» Перейдем к конкретному вопросу, – предложил Эйтан, построивший беседу умело и поэтапно. – Итак, господа, что же мы выяснили по поводу нападения на российское торговое судно «Медведев»...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.